

САНКТ-ПЕТЕРБУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет
Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания
Цзинь Сяохан

**Антропоним Варвара в произведениях А.П.Чехова:
лингвосоциокультурный аспект**

Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики

Научный руководитель: к.ф.н., доц., Т.Ф.Куприянова
Рецензент: Егоренкова Наталья Андреевна, кандидат филологических наук,
доц., доц., Кафедра русского языка и литературы, Федеральное
государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургский горный университет»

**Санкт-Петербург
2017**

Оглавление

Введение	4
I. Общий взгляд на имена собственные	8
I.1. Исторический взгляд на развитие определения имени собственного.....	8
I.2. Имена собственные в современной ономастике.....	12
I.2.1. Современные тенденции в определении значения имён собственных.....	12
I.2.2. Специфика имени собственного.....	17
I.2.3. Функции имени собственного.....	21
I.2.4. Актуальное состояние передачи имён собственных в художественных произведениях и его отражение в работах китайских лингвистов.....	23
I.3. Имя собственное в художественном произведении.....	26
I.3.1. Имя собственное и его окружение в тексте.....	26
I.3.2. Функция имён собственных в художественном тексте.....	27
I.3.2.1. Характеризация.....	28
I.3.2.2. Перспективация.....	28
I.3.2.3. Эстетическая и мифологическая функции.....	29
I.4. Имя собственное с точки зрения культурологии.....	30
I.5. Социолингвистический аспект имени собственного.....	32
Выводы первой главы	35
II. Персонаж по имени Варвара в произведениях А.П.Чехова	37
II.1. Возможные интерпретации этого имени в русской ономастической и духовной традиции.....	37

II.2. Социальный портрет и семейное положение персонажа по имени Варвара в произведениях А.П.Чехова.....	
.....40	
II.3. Окружающие персонаж по имени Варвара и их отношения с этим персонажем.....	51
Выводы второй главы.....	88
Заключение.....	91
Список литературы.....	96
Словари.....	100
Источники.....	100

Введение

Собственное имя занимает большое место в составе лексики каждого языка. Имя – это слово и единица языка. Важно знать, какое значение имеет имя в национальной литературе. Важным является также то, как имя одной культуры понимается в другой культуре. Как соотносится то или другое значение обычного слова с характером персонажа, с тем, какова роль этого персонажа в тексте художественного произведения. Особенное значение приобретает анализ имени, которое по его значению можно сравнить с обычным словом.

Центром нашего исследования является антропоним Варвара в произведениях Антона Павловича Чехова. Имеет ли антропоним “Варвара” этимологические связи с какими-то лексическими единицами языка? Какие коннотации заключены в этом имени? Какие мотивы произведений А.П.Чехова связаны с персонажем, который носит имя Варвара? Как соотносится характер и судьба персонажа по имени Варвара с теми коннотациями, которое это имя имеет в исторической перспективе и в духовной жизни русского человека.

Женское имя “Варвара” происходит от греческого слова “чужестранка, дикарка”. В русском языке это имя имеет один корень со словом “варвар”. Слово “варвар” в Толковом Словаре Ожегова объясняется как «невежественный, грубый, жестокий человек» [Ожегов, Шведова 1999; 143]. В Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений слово “варвар” объясняется так: «вандал, дикарь, не образованный, неотёсанный, нецивилизованный, вахлак, хам, троглодит» [Абрамов 2006;69]. В Этимологическом словаре русского языка в статье “варвар” читаем: «это слово, имеющее в современном языке значение, близкое к значению слова “вандал”, образовалось, однако, совершенно иным способом. Греческий “варвар” означает просто “не говорящий по-гречески человек”. Постепенно слово “варвар” стало приобретать значение необразованный, грубый человек» [Крылов 2005;52].

Другое ключевое слово в данной диссертации – “ономастика”. Об актуальности обращения к проблемам эстетической роли и прагматической семантики собственного имени в произведениях литературы говорит следующий фрагмент из книги Н.В.Васильевой «Собственное имя в мире текста»: «Интерес к собственным именам проявляли и проявляют разные гуманитарные науки и дисциплины: философия языка, логика (теория референции), лингвистика, ономастика (для которой СИ - единственный объект исследования), а также литературоведение, поэтика, фольклористика»[Васильева 2009;6].

Эта тема – дополнительные коннотации, которые вносит в текст произведения имя персонажа – имеет важное значение для преподавания русского языка как иностранного. Читать произведения известных русских писателей – это один из главных путей понимать ментальность русского народа. Следует также сказать, что в настоящее время ономастику в Китае изучают многие лингвисты. Ономастику считают своеобразным окном, дающим возможность заглянуть в характерные особенности персонажа и более адекватно воспринять те черты, которые придаёт характеру персонажа данное ему от рождения имя. Всё вышесказанное определяет **актуальность** диссертационной работы.

Новизна диссертационной темы заключается в том, что в ней будет рассматриваться смысловое значение говорящего имени и обоснованность употребления именно этого антропонима в контексте произведения. Само имя стало адресатом доступа к информации, которую автор передал персонажу.

Объектом исследования являются антропоним “Варвара”, социокультурные ситуации, в которых действует персонаж с именем Варвара, а также лингвистические способы их представления на материале произведений А.П.Чехова: пьеса «Вишнёвый сад», рассказы «Именины», «Спать хочется», повесть «Чёрный монах» и других.

Предмет исследования: смысловая связь антропонима “Варвара” с содержащимися в нём коннотацией и социальной ситуацией, представленной в рассматриваемом тексте.

Материалами научного исследования являются указанные произведения А.П.Чехова (пьеса «Вишнёвый сад», рассказы «Именины», «Спать хочется», повесть «Чёрный монах» и другие).

Теоретическая база исследования: главная теоретическая база исследования – ономастика. И, следовательно, научные работы по ономастике можно определить как необходимые в исследовании материалы. Это работы «Собственное имя в мире текста» Наталии Владимировны Васильевой; статья В.Н.Топорова «О мифологическом образе Семёна и Семёновна в русской традиции», статья Е.Ф.Косиченко «Имя нарицательное и имя символ в свете теории прецедентности», статья А.А.Кудрявцевой «Имя литературного героя как апеллятивизированный прецедентный оним».

Гипотеза работы: антропоним “Варвара” (греческое – иноземка, латинское – грубая, жестокая) в сюжете некоторых произведений А.П.Чехова сопровождает потерю, утрату, гибель, так как обозначает чуждость описываемых в произведении социальных и человеческих отношений истинной человечности.

Имя – один из важных элементов художественного произведения. Имя каждого персонажа связано со всеми другими персонажами произведения. Имя – сложное явление в структуре произведения. Это позволяет **целью** исследования назвать выявление культурологического и социального аспектов, проявляющихся в произведениях А.П.Чехова в антропониме “Варвара”.

В соответствии с назначенной целью в исследовании предполагается решение следующих **задач**:

1) проанализировать теоретические основы имени собственного как номинативной единицы языка;

2) выявить и описать наличие в антропониме “Варвара” номинативной, идентифицирующей и дифференцирующей функций имени собственного;

3) проанализировать специфику значения и функционирования понятийной соотнесённости антропонима “Варвара” с его социальными и дейктическими функциями.

Методы: описательно-аналитический, компонентного анализа, семантического анализа, контекстуального анализа, направленной сплошной выборки и частичной выборки.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что будет рассмотрено и уточнено одно из положений ономастики – целенаправленность выбора имени персонажа в зависимости от целей авторского замысла, что является одним из путей уяснения **смысла** текста. Результаты указанного анализа диссертации дадут возможность понять связь имени собственного с общим контекстом всего произведения, позволят уточнить, что делает данное имя важным элементом произведения. Модель анализа антропонима, разработанная на материале указанных произведений, может быть использована в практике преподавания русского языка при подобном анализе какого-либо художественного произведения

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов исследования в аудитории иностранных студентов, на занятиях по русскому языку по обучению чтению и интерпретации художественного текста с опорой на антропоним.

Структура диссертации определена поставленной целью и задачами исследования. Диссертация состоит из Введения, двух Глав, Заключения и Списка литературы.

I. Общий взгляд на имена собственные.

I.1. Исторический взгляд на развитие определения имени собственного.

Предмет данной диссертации – имя собственное, антропоним “Варвара” в произведениях А.П.Чехова. Происхождение, первоначальное значение и изменение имён собственных в процессе их использования изучает ономастика – наука, которая находится на стыке истории, этнографии, генеалогии. Ономастика (от греческого *onomastika* - “искусство давать имена”) – раздел языкознания, изучающий собственные имена [Караулов 1998: 279].

Всё существующее в природе имеет наименование, выраженное нарицательным существительным. Оно называет отдельный предмет и класс однородных предметов, а также указывает на признаки этого предмета или класса. Отдельный объект или человек получает собственное имя, которое не называет какого-то класса предметов или людей.

Интерес к имени человека с античных времён до настоящего времени не уменьшался и в обычной жизни, и в науке. Уже в античные времена определение этой категории не было единым. Философы античности Платон и Аристотель по-разному подходили к происхождению имён собственных. Древнегреческий философ Платон утверждал, что имена, названия вещей тесно связаны с обозначаемыми этими именами вещами. Этой проблеме посвящено «Письмо VII» Платона, в котором говорится, что в имени очень мало знания, даже меньше знания, чем сама вещь. Платон в том же письме отмечал: «Ничего не имеет прочного имени, и ничто не мешает, чтобы то, что ныне называется круглым, было названо прямым и прямое – круглым; и у тех, кто произвели эту перестановку и называют навыворот, имена опять не будут менее прочными» [Античные теории языка и стиля 1936: 59]. А современник Платона философ Аристотель считал, что имена не связаны с природой, потому что природа не даёт имени. Аристотель утверждал: «От природы нет имён; они получают условное значение, когда становятся символом» [Античные теории языка и стиля 1936: 60].

Античный философ-неоплатоник Аммоний (440 - 520 г. н. э.), приверженец Платона, в «Комментарии к “Об истолковании” Аристотеля»

писал, что: 1) слово - создание природы, подобное естественным отражениям вещей в воде или зеркале; 2) имя соответствует природе именуемых вещей подобно изображениям, созданным искусством живописи. Он продолжал доказывать, если имена не связаны с природой, то 1) любой человек может назвать каждую из вещей каким угодно именем (Гермоген). 2) имена устанавливает один только творец имён [Античные теории языка и стиля 1936: 74-75].

Аммоний далее писал: «Если же кто вздумал бы доказать, что слова даже и в этом смысле не соответствуют природе, и ссылаясь бы на переименование и на то, что одна вещь часто называется многими именами, то мы скажем, что именно переименование и показывает с особой ясностью соответствие имён природе: ведь очевидно, что мы производим переименование как бы переходя к каким-то более соответствующим вещи именам; множество же имён никоим образом не препятствует каждому из них соответствовать природе именуемого, подобно тому, как может быть несколько изображений одного человека» [Античные теории языка и стиля 1936: 77].

Представители учения стоицизма согласились с теорией именованья «от природы». Они считали, что внутренние связи между звуком и значением, должны быть узнаны через этимологический анализ. Термин «этимология» выдвинул стоик Хрисипп [Суперанская 2012: 49]. Хрисипп считал, что первые звуки подражали вещам непосредственным или опосредствованным сходством звучания. Стоики считали одинаковые имена у разных людей случайными совпадениями в связи с несовершенством языка. Поэтому можно сказать, что уже в античную эпоху мнения о происхождения имён были самые разнообразные [Суперанская 2012: 47].

Как сказано в Библии – Адам давал имена животным, и «как наречёт человек всякую душу живую, так и было имя ей» [Быт 2:19]. В Средние века, об этом вопросе думали в принципе подобно теорию «от природы», то есть, человек давал имена животным по тому, какие уникальные черты у каждого

животного. В тот период бурно развивалась теория божественной происхождения языка.

В XVII-XVIII вв. развивался рационализм – это восприятие мира, которое требует серьёзных доказательств, когда говорится о фактах и явлениях реальной действительности [URL: <http://tao44.narod.ru/rationalism.html>]. Томас Гоббс, английский философ-материалист XVII века, отмечал, что наука может развиваться только тогда, когда достоянием многих делается «метка памяти». Именами мы пользуемся как метками, и как знаками. Они служат метками перед тем, как начать применяться в качестве знаков. Поэтому имена прежде всего – метки. «Имя есть слово, произвольно выбранное в качестве метки с целью возбуждения в нашем уме мыслей, сходных с прежними мыслями, и служащее одновременно, если оно вставлено в предложения в нашем уме мыслей, и служащее одновременно, если оно вставлено в предложение и высказано другим, признаком того, какие мысли были в уме говорящего и каких не было. Я считаю возникновение имён результатом произвола. Между именами и вещами нет никакого сходства и никакого сравнения. Если какие имена и были даны Богом по его усмотрению, ведь они забылись с постройкой Вавилонской башни и были заменены другими, произвольно изобретенными человеком...Философы всегда свободно выбирали слова для более очевидного обозначения своих учений»[Гоббс 1926:14].

Современник Томаса Гоббса, британский педагог и философ, Джон Локк считал, что слово – не что иное, как символы наших идеи: «слова стали употребляться в качестве знаков идеи не по какой-нибудь естественной связи, имеющейся между отдельными членораздельными звуками и определёнными идеями (ибо тогда у всех людей был бы только один язык), а по произвольному соединению, в силу которого такое-то слово произвольно было сделано знаком такой-то идеи. Стало быть, употребление слов состоит в том, что они суть чувственные знаки идей, и обозначаемые ими идеи

представляют собой их настоящее и непосредственное значение»[Локк 1985:461-462].

Британский философ, экономист и политический деятель Джон Стюарт Милль продолжал развивать идеи Гоббса. Он считает, что имена – это названия самих вещей, а не только наших представлений о вещах. «Придавая предмету собственное имя..., мы кладем значок, но только не на самый предмет, а так сказать, на его идею. Собственное имя представляет собой просто не имеющую самостоятельного значения отметку, которую мы связываем в своём уме с идеей предмета с той целью, чтобы, как только эта отметка попадёт нам на глаза..., нам пришёл бы на ум именно этот индивидуальный предмет» [Милль 1899: 24].

Поскольку предмет данной диссертации – антропоним “Варвара” в произведениях А.П.Чехова, наиболее важно то, как именно русские философы подходят к этому вопросу. Русский философ и филолог Алексей Фёдорович Лосев утверждал, что имя может подействовать на любую вещь, которую могут чувствовать человеческой душой. Лосев считает: если вещь наименована, это значит, что кто-то где-то и притом как-то выделил её из всего окружающего, наделил какими-то признаками, помыслил о ней и зафиксировал, что она есть именно она, а не что-нибудь другое. То есть, важность наименования заключается в том, что именно у этого человека или этой вещи есть какие-то черты [Лосев 1993: 815-817]. Известный русский философ С.Н.Булгаков считает, что имя собственное – это не просто знак различия, а энергия, у которой фатальный характер, «имя есть то, что человек есть, и означает, открывает, то что он есть»[Булгаков 1999: 267].

Наиболее важной работой для изучения имени собственного является книга «Имена» П.А. Флоренского. П.А. Флоренский отмечал, что имя – это «адекватная плоть личность», «наиболее чётко познается духовное строение личности», «свободное от шлаков биографии и пыли истории». П.А.Флоренский особенно подчёркивал функцию имени собственного в художественных произведениях. Он писал, что на начальном этапе у автора

есть интуитивное проникновение в суть вещей и явлений, потом автор создаёт конкретный образ и выявляет глубокие обобщения действительности [Флоренский 1993: 25]. То есть, автор неслучайно даёт персонажу какое-то имя. В работах русских философов Н.А. Бердяева, Г. П. Флоровского, Г. Г. Шпета и других имя определяется как смысловое ядро образа, как сущность литературного персонажа, данная в слове.

До настоящего времени многие лингвисты уделяли особенное внимание антропонимам в художественных произведениях. К решению этого вопроса учёные подходят по-разному, но однозначного ответа нет до настоящего времени. В следующем параграфе мы будем рассматривать современные тенденции спора о значении имени собственного.

1.2. Имена собственные в современной ономастике.

1.2.1. Современные тенденции в определении значения имён собственных.

Мир имени собственного огромен. Это и имена людей, и названия стран и городов. Проблематика имени собственного сложна и не может быть названа решённой: «ономастов интересовала сущность собственного имени, его языковой статус, возникновение имен, их жизнь в обществе, история, судьба и, наконец...– связь имени и человека» [Матвеев 2001: 86]. Имена собственные изучаются не только лингвистами, но и учёными других специальностей, например, этнографами, которые изучает народы как сообщества людей с отличающей их культурой, народной и элитарной. Отметив, что имена собственные «стали той областью, где происходят наиболее острые споры, в которых принимают участие специалисты по языкознанию и логике» [Топоров 1962: 3], учёный указывает на три особенности этой лексической группы, которые объясняют интерес к ней учёных: «ИС существуют и функционируют в человеческом и только в человеческом обществе...нет такого человеческого общества, в котором отсутствовали бы ИС...Поскольку эта особенность не вытекает...из того, что

нам известно о структуре человеческого общества, можно полагать, что правильное объяснение этой особенности будет способствовать прояснению важных деталей характеризующих структуру общества...; ИС...участвует при построении формализованного языка логики», когда обычные имена становятся собственными при описании новых способов обозначения предметов и понятий; иногда при описании ИС не работают те методы, которыми описывается остальной язык, поэтому вырабатываются другие способы описания, но при этом при описании ИС возникают неразрешимые проблемы, при решении которых уточняется природа ИС и совершенствуется универсальная теория языка [там же].

Эти позиции объясняют важность продолжения изучения специфики ИС по сравнению с именем нарицательным. Из множества определений ИС укажем на одно из наиболее полных, согласно которому имя собственное относят к «всестороннему функционально-семантическому классу имён существительных, главной функцией которых является выделение и определение отдельных предметов, выражающих единичные понятия и целые представления о данных предметах в языке, речи и т. д. Другими словами, имена собственные можно охарактеризовать как слова или словосочетания, основной задачей которых является указание на конкретный объект или явление и выделение его из ряда подобных» [Цит.по: Денисова 2015: 1116-1118].

Одним из главных вопросов в изучении ИС является проблема наличия или отсутствия у них лексического значения. Значением называют «взаимоотношение имени и смысла, которые способны вызывать друг друга в сознании человека» [Лахно 2004: 27]. Эта проблема решалась много лет, но до настоящего времени точного на этот вопрос нет. Современных учёные сформулировали три концепции по этому поводу.

Первая концепция рассматривает собственные имена как «асемантические». Она полностью отрицает, что имя собственное обладает содержанием. Каждый предмет должен быть поименован. Это имя не

обязательно должно быть уникальным. Оно не может ничего не сообщать об этом предмете. Представители первой концепции: Дж.Ст. Милль, О. Есперена, Б. Рассел, Н.Д. Арутюнова, А.А. Реформатский, К.Д. Левковская, А.А. Реформатский, А.А. Уфимцева и другие. Милль утверждает, что имена собственные «обозначают индивидуальных лиц или индивидуальные предметы, но не указывает и не подразумевают никаких черт, свойственных им» [Есперсен 1958: 70].

Вторая концепция говорит: имена собственные получают значение только в конкретной ситуации. Большую роль в этом играет контекст. Имя собственное должно обозначать одно конкретное лицо. Сторонниками второй концепции являются М. Бреаль, Г. Сёренсен, В.И. Болотов, С.И. Зинин и А.В. Суперанская. Суперанская в «Общей теории имени собственного» пишет: то, что «лексическое значение апеллятива, лежащего в основе имени собственного, обычно бывает редуцировано, а связь имени с понятием этого апеллятива стремится к нулю, ещё не следует, что имя не несёт никакой информации. Но информация имени существенным образом отличается от информации апеллятива. Она может быть весьма значительной, однако раскрывается не для каждого человека» [Суперанская 2012: 258-259]. Поддерживая теорию отсутствия значения, А. В. Суперанская однако пишет об ослабленной связи ИС с понятиями и добавляет: «Ввиду особо тесной связи со своими обозначаемыми, вне которой они не мыслятся, имена собственные имеют ослабленную связь с понятиями, с которыми они непосредственно не связаны».

Согласно третьей концепции имена собственные обладают языковым значением особого типа и относятся к отдельной подсистеме языка. Опора на эти положения позволит выполнить задачу нашего исследования: проанализировать теоретические основы имени собственного как номинативной единицы языка. Исследователи, поддерживающие эту теорию, указывают, что имена собственные обладают социальным значением и выделяют «актуальные» и «потенциальные» антропонимы. Сторонники этой

концепции: М.Э. Рут, В.А. Никонов, Т.Н. Кондратьева, Ю.А. Карпенко, Л.М. Щетинин, В.Д. Бондалетов, Л.В. Щерба, Е.Курилович. Один из исследователей – Ю.Н. Хриненко в своей статье пишет: «... личное имя используется в речи главным образом для того, чтобы именовать, выделять и различать однотипные объекты, а в языке имя как языковой знак существует независимо от прямой связи с объектом. Кроме того, поскольку имя – это социальный знак, оно может быть в большей или меньшей мере нагружено и социальным значением. Употребление личного неофициального – а порой и полного – имени в определённых речевых условиях даёт значение об отношении к человеку, равно как и характеризует самого говорящего» [Хриненко1981]. Сторонники этой точки зрения указывают на то, что «...они (ИС) обладают сложной смысловой структурой, уникальными особенностями формы и этимологии, способностями к видоизменению и словообразованию, многочисленными связями с другими единицами и категориями языка» [Ермолович 2001: 9].

На основе изучения этих разных подходов важно установить собственный взгляд на проблему: имеет или не имеет собственное имя однозначное лексическое значение. ИС употреблено в тексте, который относится к действительному или к возможному миру. Этого, по нашему мнению, достаточно, чтобы можно было говорить о том объекте который назван этим ИС. Этого может быть достаточно для дальнейшего рассуждения об этом объекте. Можно не знать самого объекта, но так как имя дано, то это может значить, что существует условие, чтобы говорить об объекте, который назван таким-то именем, и впоследствии этот объект можно восстановить при дальнейшем рассуждении о нём.

Наша позиция основана на рассуждениях в книге Ермоловича [Ермолович 2001: 11]. Частью значения ИС является информирование о том, что существует какой-то предмет, сущность, что позволяет говорить о том, что ИС обладают значением предметности. ИС обозначают класс предметов и в нём они выделяют один из предметов особенно, то есть они

индивидуализируют его. Но такая номинация возможна только среди предметов, которые уже тем или иным образом классифицированы. ИС называет определённый предмет, определённое явление определённым образом. Это наименование закреплено за этим предметом, явлением. Эта информация может быть достаточной, может быть бедной, но она получает распространение в языковом коллективе. В таком случае можно говорить о том, что «сведения об этом предмете являются частью языкового значения имени собственного».

Далее формулируются четыре компонента в значении ИС:

–бытийный компонент, который указывает на то, что такой предмет существует;

–классифицирующий компонент, который относит этот предмет к определённому классу, который можно назвать денотатом имени; к денотатам антропонимов относят людей; этот компонент значения называют свёрнутым сообщением: этот предмет – человек; этот предмет – река;

–индивидуализирующий компонент – «специальная предназначенность данного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата»; такой отдельный предмет называют референтом имени; этот компонент можно назвать развёрнутым сообщением: Есть такой человек, которого зовут Иваном; Есть такая река, которую называют Ян-Цзы;

–характеризующий компонент включает набор признаков референта, по которым опознаётся этот референт [Ермолович 2001: 11-13].

Знания о том или ином референте у разных людей могут различаться. Для адекватного восприятия информации участники общения вносят в свою речь фоновые знания о конкретном предмете. Важным можно считать вывод, который делает автор: «Вопрос о значении ИС имеет не только теоретический интерес. Он становится чрезвычайно актуальным при межкультурных и межъязыковых контактах. Казалось бы, ИС легко пересекают межъязыковые барьеры, поскольку стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы «родного» языка. Однако

иной раз существенным элементам их содержания бывает гораздо труднее преодолеть такие языковые барьеры. А без сохранения своего значения ИС не могут функционировать в иной языковой среде. Отсюда – возможные проблемы непонимания и неточного восприятия текстов, содержащих имена. Здесь – огромное поле знаний для освоения...всеми, кто изучает или преподаёт иностранный язык в сопоставлении с родным [Ермолович 2001]. Последнее положение имеет прямое отношение к использованию практических результатов данной работы в практике преподавания русского языка как иностранного.

1.2.2. Специфика имени собственного

Для того, чтобы уточнить есть ли в СИ коннотации, необходимо проанализировать, какова специфика имён собственных. По мнению Суперанской: «Для уточнения вопросов, связанных с семантикой имён собственных, необходимо остановиться ещё на ряде общелингвистических категорий(и терминов), показав их специфику в ономастике. Это: знаменательность, значимость, ценность, информация, значение, функция» [Суперанская 2012: 257].

Знаменательность СИ, коротко говоря, это наличие в СИ конкретных значений. «Как различаются в своей основе нарицательные существительные, прилагательные, наречия, глаголы, с одной стороны, и местоименные слова или числительные, с другой, так отличаются по своей природе и имена собственные, которые относятся к знаменательным, а не служебным словам» [Суперанская 2012: 257].

Значимость СИ «выделяется в языковом плане. Она уравнивает собственные имена с другими частями речи, выделяя из несобственных и объединяя их друг с другом» [Суперанская 2012: 257]. Одновременно Суперанская добавляет: «Однако общей значимости слов как собственных имён, достаточной для синтаксического анализа предложения, недостаточно для восприятия их информации» [Суперанская 2012: 258].

Ценность СИ выявляется только тогда, когда мы проводим более детальный анализ. «Поскольку это понятие – порождение системы и вне системы не существует, о ценности отдельных имён можно говорить лишь в тех случаях, где рассматривается вся система в целом. Это относится прежде всего к синхронному описанию имён, бытующих на ограниченных территориях, а также к замкнутых коллективах, т.е. к региональным ономастическим исследованиям» [Суперанская 2012: 258].

Наиболее важной спецификой имён собственных информацию. Суперанская считает, что информация имён собственных не раскрывается для каждого человека. Она считает, что выделяются три типа информации имени: речевая, языковая и энциклопедическая [Суперанская 2012: 259]. «Речевая информация осуществляет связь имени с объектом и выявляет отношение говорящего к объекту. Это – наиболее массовая и наиболее «поверхностная» информация имени...Энциклопедическая информация – это комплекс знаний об объекте, доступный каждому члену языкового коллектива, пользующемуся данным именем...Языковая информация имени (кроме первичной и минимальной, что это имя) – наиболее постоянная и неизменяющаяся часть его информации. Она заключается в характере и составе компонентов имени. Но, чтобы её получить, необходимо детально проанализировать имя, что само по себе очень трудно...» [Суперанская 2012: 259-260].

Говоря о значении, уточним сначала разницу между понятием и значением. «Не всякое значение слова является понятием, так как слова, кроме выражения понятийного содержания, выполняют ряд других функций (экспрессивную, стилистическую и т.д.)...Если...считать понятиями лишь такие мысли, которые имеют форму действительного или возможного ответа на вопрос «Что это?» или «Что это такое?», то следует признать что не всякое употребление слова есть выражения какого-либо понятия, хотя всякое употребление слова содержит общее значение» [Ахманов 1957: 202]. Г.О. Винокур писал: «Значение собственного имени с логической стороны исчерпывается тем, что оно есть лишь средство для узнавания единичных

предметов, вещей и лиц. Его осмысление возможно лишь в плоскости поэтической или экспрессивно-эмоциональной, потому что оно всегда единично и совершенно конкретно, тогда как название (нарицательное) совмещает в себе диалектически конкретное обозначение предмета с его общим понятием» [Винокур 1939]. И Суперанская считает, что «было бы неверным считать, что собственные имена не связаны с понятиями вообще. Верно лишь то, что они часто «отмежевываются» от понятий тех нарицательных, которые послужили в своё время основной номинации» [Суперанская 2012: 266].

В заключение рассмотрения особенностей имени собственного укажем на результаты исследований последнего времени, которые показали, какие возможности открывает анализ имени собственного для более глубокого понимания художественного текста. Получение этих новых результатов связывают с именем Владимира Николаевича Топорова – учёного, в работах которого имя собственное начало изучаться отдельно от ономастики, а именно – в антропонимике, которую этот учёный называл «особой областью языкознания». Дальнейшие работы в области выявления значения имени собственного в смысловой структуре текста подтвердили то положение, что ономастика, частью которой является изучение имени собственного и которая как часть лексикологии рассматривала единицы языка, в настоящее время начала разделяться на отдельные исследовательские ветви. Что изучение имени собственного в тексте выявляет разницу в семантике отдельной изучаемой лексической единицы и той же единицы, погружённой в текст. Изучение имени собственного в рамках идеи «имя-в-тексте» позволило В.Н. Топорову выделить определённые возможности, которые раскрывает имя собственное. Эти выводы, нам представляется, станут актуальными в нашем анализе исследуемой проблемы. Поэтому мы кратко укажем на эти положения. В книге «Имя. Семантическая аура» эти положения формулируются следующим образом:

1. Имя собственное в одной системе проявляет связь с именем нарицательным в другой системе. Подобная связь указывает на возникновение «мифопоэтических» типов и архаических мифологем. Выведенная из данных единиц этимология превращает эти имена в концепты.

2. При внимательном анализе привычное имя собственное оказывается «воспоминанием старины», которое хранит скрытая языковая память того или иного этноса.

3. Имя собственное какого-то текста может содержать намёк на сходные собственные имена, или находящиеся в других текстах, или принадлежащие реальным персонажам. Этот аспект может «помогать» внимательному читателю понять некоторый скрытый смысл того или иного литературного имени.

4. Имена собственные одного произведения дают читателю «ключи» к персонажам других текстов. По мнению исследователей, используя этот «ключ», можно более верно понять «исходный» персонаж.

5. Собственные имена персонажей какого-то текста могут «перекликаться» между собой, создавая дополнительные смыслы тому или иному персонажу.

6. Имя собственное указывает на социальную обстановку нового времени, когда изменяются требования к номинации. Иногда это изменение происходит в сфере наименования на основе религиозной принадлежности.

7. В практике изучения имени собственного продолжает оставаться актуальным способ анаграммирования, когда нужное имя скрыто в виде разбросанных по тексту подсказок.

8. Новые возможности понимания текста даёт распространившееся в постмодернистский период не-именование. Анализ некоторых произведений последнего времени показал, что отсутствие имени, безымянность тоже способна нести определённые смыслы.

9. Изучение ситуаций использования и смысловых компонентов имени собственного показали, что на протяжении определённого временного

отрезка смысловый потенциал имени собственного может меняться на почти противоположный [Топоров 2007: 8-12].

1.2.3. Функции имени собственного

Функцию учёные определяют как назначение, роль, выполняемую единицей языка при её воспроизведении в речи [Ахманова 1966: 506]. «В функции в противоположность форме заключена та роль, которую член предложения играет в грамматической структуре высказывания... В более общем смысле говорят, что лингвистический элемент выполняет какую-то функцию, когда он способствует пониманию речи» [Марузо 1960: 332].

Суперанская отмечает, что «каждому языковому уровню свойственны и свои особые функции. Например, на синтаксическом уровне именам (собственным и нарицательным) свойственны функции подлежащего, дополнения, именной части сказуемого, что сближает имена собственные и нарицательные. Даже если они выражены неименной частью речи, в предложении они получают синтаксическую валентность существительного. В связи со спецификой речевого употребления имён число и соотношение их синтаксических функций в предложении обладает своими особенностями. Так, у собственных имён максимально представлены функции подлежащего и дополнения» [Суперанская 2012:268-269].

Говоря о функциях имён собственных в речи, исследователь в [Суперанская 2012:272-273]: указывает на: 1. коммуникативную функцию, «когда имя, известное собеседникам, служит основой сообщения»: *Анна сегодня не придёт*; 2.апеллятивную: *Пока, Женя!* 3.экспрессивную, согласно которой «выступают имена с широкой известностью, находящиеся на пути превращения в нарицательные»: *Глаза, как у Анны*. 4.дейктическую, когда «произнесение имени сопровождается указанием на объект»: *Познакомьтесь, это Элла!*

Во всех перечисленных Суперанской случаях функции имён собственных не отличаются от функций имён нарицательных. Поэтому далее

исследователь уточняет, что «в качестве специальной ономастической, свойственной всем собственным именам, функции может быть названа идентификация объекта, включающая в себя ряд подфункций: различение (дифференциацию), адрес (нахождение координат объекта), выделение, противопоставление, характеристику (описание). Специальной антропонимической функцией мы считаем социальную легализацию личности, включающую в ряде случаев информацию о родственных отношениях, происхождении и положении в обществе, а специальной топонимической – особую указательную (дейктическую) функцию. Все эти функции экстралингвистичны. Также экстралингвистичны и идеологическая, эмоциональная, харизматическая, ритуальная функции» [Суперанская 2012:274].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод: в имени собственном выделены его основные функции: номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая, и второстепенные функции: социальная, эмоциональная, кумулятивная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая. Собственные имена являются индивидуализаторами. Считается, что они соотносятся с дискретными объектами действительности.

1.2.4 Актуальное состояние передачи имён собственных в художественных произведениях и его отражение в работах китайских лингвистов

Развитие перевода иноязычных имён собственных на китайский язык можно разделить на три этапа. На первом этапе, как говорилось в лингвистических работах, это был перевод «по значению». Это значит, что на основе буквального фонетического перевода переводчик давал персонажу одно из китайских имён, созвучное транскрибированному варианту. Время этого периода было в конце феодального общества. В Китае феодальное общество продолжалось примерно 2400 лет, до начала двадцатого века. В связи с «политикой закрытых дверей», западная культура была мало известна

в Китае. Это можно считать самой главной причиной появления **указанного** способа перевода. Например, герой и героиня в произведении «Унесённые ветром» Rhett Burtler и Scarlett Hara переводились как “白瑞德” и “郝思嘉” (“白” и “郝” - на китайском языке фамилии, “瑞德” и “思嘉” - имена), хотя в китайском и английском языках разная очерёдность фамилии и имени. Такой способ перевода в то время был хорошим для китайских читателей, потому что данный способ помог им постепенно начать воспринимать западную культуру.

На втором этапе перевод производился по способу прямой фонетической транскрипции. По мере расширения культурных связей Китая и западных стран, особенно после «Движения 4 мая 1919 года», китайский народ, особенно его элита, уже в большей степени приняли западную культуру. Соответственно этому способ «перевод по значению» сменил «прямой способ фонетической транскрипции». Например, с этого времени, “Will Smith” больше не переводится как “史威尔”, а “威尔 史密斯”.

Третий этап начался с движения четвёртого мая 1919-ого года и продолжается до сих пор. Движение четвёртого мая 1919-ого года имеет важное значение в истории Китая. Это движение стало символом того, что на политическую сцену выступил пролетариат. Движение 4-ого мая 1919-ого года принесло всесторонние изменения в китайском обществе. В этот период в Китае выходит Словарь иностранных имён в переводе на китайский язык. Выход этого словаря указал на важный этап в развитии перевода иноязычных имён собственных на китайский язык: лингвисты почувствовали желание читающих воспринимать иноязычное имя в как можно более близком к оригиналу звучании и отразили эту тенденцию выпуском данного словаря. Это тем более важно, что в самом Китае наделение именем – сложный эмоциональный и психологический процесс. В понимании китайцев, имя, данное человеку, действительно указывает путь, по которому человек должен двигаться в жизни. Этот словарь помогает переводчикам перевести

иноязычные имена собственные максимально приближённо к исходному фонетическому варианту имени. Самое важное при переводе – сочетание способа «по значению» и способа фонетической транскрипции, что помогает выразить авторский замысел в самой большой степени [陈奕 2007: 58-60].

В статье «Перевод имён собственных в художественных произведениях на примере романа Г.Флобера <Мадам Бовари>(小说人名的翻译- 以<包法利夫人>为例)» автор сравнивает существовавшие в Китае разные варианты перевода фамилии Бовари и доказывает, что и способ перевода прямой фонетической транскрипции, и способ «по значению» оказывают негативное влияние на понимание читателей и затрудняет это понимание [彭俞霞 2009]. Это указывает на необходимость искать другие пути перевода этого имени.

В другой, не менее важной статье – «Мои взгляды на значения имён собственных в рассказах А.П.Чехова (契诃夫短篇小说中人物姓名含义之我见)» автор анализирует типичные для произведений А.П. Чехова имена, которые Чехов дал своим персонажам осознанно, с определёнными намерениями, чтобы достичь определённых авторских целей. Например: фамилия Перхоткин – производная от слова «перхоть»; Пеплов – от слова «пепел»; Ярлыков – от слова «ярлык». Производные для этих имён слова сразу указывают на то, что персонажи, которые носят такие фамилии, маленькие люди. Кроме того, то, что автор дал персонажам своих произведений такие фамилии, указывает и на авторскую позицию по отношению к этим персонажам: это не просто маленькие люди, но и люди, не вызывающие уважения.

Другие примеры авторской номинации в произведениях Чехова: Панихин от слова «панихида», Трупов от слова «труп», Черепов от слова «череп» – указывают на более точные характеристики таких персонажей. Читая эти имена, мы сразу представляем себе персонажей совершенно определённой характеристики. Можно предположить, что эти персонажи

несут в себе что-то безжизненное, отрицающее живую жизнь, возможно, мешающее развиваться этой жизни. Несомненно, понимание смыслов, заложенных в фамилии персонажа в языке, в лексической единице определённого смыслового и коннотативного значений – значительно расширяет возможности понимания заложенного в данном имени авторского подхода к пониманию данного персонажа и всего произведения в целом. Такой подход к прочтению имён собственных – важный способ понимания художественного произведения. Поэтому толкование имён собственных, особенно при переводе произведений таких далёких, как русская и китайская культура авторов – наиболее важно для адекватного понимания авторского замысла китайским читателем [李姝 2012: 118-121].

Таким образом, для понимания текста необходимо понимать ту информацию, которую несёт именно это имя собственное именно в данном произведении. Сохраняется ли эта информация при переводе. Одинаковы ли ассоциации, связанные с этим именем, в языке оригинала и на языке перевода. Для нашей работы мы считаем актуальным проанализировать, как переводится оним Варвара на китайский язык и сохраняет ли он в переводе то содержание, которое может быть актуальным для русского читателя.

I.3. Имя собственное в художественном произведении

I.3.1. Имя собственное и его окружение в тексте

Для выявления тех значений, которые содержатся в антропониме Варвара, для получения максимальной информации, содержащейся в нём, важным является проанализировать ближайшее окружение этого имени в тексте.

На ближайшее окружение имени собственного в тексте указывает термин «микротекстология имени». Термин «микротекстология имени» представляется подходящим по своей внутренней форме для обозначения раздела, в котором речь пойдёт о ближайшем окружении собственного имени

в тексте [Васильева 2009:34]. Это могут быть сочетания СИ с нарицательными именами существительными и с прилагательными.

Сочетания типа *нянька Варька* называют апеллятивными идентификаторами. Синтаксически – это приложения. Он может быть один, их может быть несколько. Они могут располагаться справа и слева от имени собственного : *нянька Варька, девочка лет тринадцати*. К идентификаторам подобного типа относят:

1) этнонимы – в роли аргументативного контрапункта или для предоставления избыточной информации. «Этнонимы как тип идентификаторов интересны тем, что их роль в сочетании с СИ полностью раскрывается только в тексте. Так, в тексте...этноним в препозиции к СИ несёт дополнительную информацию и участвует в идентифицировании предмета речи» [Васильева 2009:35]: *немец-колонист*;

2) апеллятив + собственное имя служит для номинации в военной среде, для обозначения профессий, для указаний титулов и званий, возраста: *старик Шелестов*;

3) Существуют также сочетания «адъектив+антропоним», «адъектив + собственное имя» со своими функциями и смыслами. Атрибут, который указывает на отличительные признаки объекта, не является обязательным сопроводителем имени собственного, которое, как правило, не нуждается в дополнительной актуализации. Но подобные именные группы, тем не менее, встречаются в текстах. Это употребление может быть обосновано тем, что исследователи отмечают употребление адъектива предикативное и непредикативное. Непредикативное употребление адъектива указывает только на какой-то определённый предмет и какое-то свойство этого предмета: *второй сын Дюди, горбатенький Алёшка*. В случае предикативного употребления адъектива он указывает на сигнификат имени, то есть на смысловое содержание данной единицы языка: *Маша Шелестова была самой младшей в семье*.

Таким образом, можно говорить о том, что предикативное употребление адъектива при имени собственном наделяет последнее определённым, не имеющим повторения в другом субъекте свойством, то есть указывает на то, что имя собственное в тексте надделено значением.

Следует указать также на то, что сочетание адъектива с именем собственным даёт возможность открыть метафорическое значение онима. В примере из книги В.Инбер «О моём отце»: «много таких рассказов выслушала я от этой замоскворецкой Шахерезады» – реализует метафорическое значение «рассказчица» [Кудрявцева 2010].

1.3.2. Функция имён собственных в художественном тексте

1.3.2.1. Характеризация

Характеризация – одна из самых важных функций СИ в художественном тексте, даже можно сказать самая важная. Характеризация имени собственного рассматривает так называемые говорящие имена. К функции «характеризации» «относится всё, что касается говорящих имён, экспрессивности имён, эмоциональной оценке, содержащейся в имени и т.д.» [Васильева 2009:137]: *генерал Шмыгалов*. Обычно, перед тем, как дать своему персонажу какое-то имя, автор в определённой степени формирует черты внешнего облика и духовного содержания своего будущего персонажа, и именно по этому представлению автор даёт персонажу имя. «В художественном произведении нет неговорящих имён. В художественном произведении нет незнакомых имён. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которое только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни. 'Иван Петрович Иванов' вовсе не бесцветная фамилия для героя, потому что бесцветность – отрицательный признак только для быта, а в конструкции она сразу становится положительным признаком» [Тынянов 2002: 186-187]. Имя собственное несёт в себе информацию именно о конкретном предмете, о его свойствах. Эта

информация может быть богатой или бедной, и в художественном произведении она бывает выявлена в разной степени.

1.3.2.2. Перспективация

Перспективация – это функция, по которой форма имени может выражать близость, дистанцированность, отчуждённость повествователя от персонажа. Эта функция определяет участие «имён в перспективе повествования» [Васильева 2009:140]: *Варварушка*. Эту функцию исследователи определяют как одну из самых близких к понятию «точка зрения». Это положение обозначает позицию повествователя, которая определяет его отношение к тому или другому персонажу. В зависимости от личной позиции разные персонажи могут давать друг другу разные варианты имени, каждый из которых и указывает на позицию, занимаемую каждым из таких персонажей в их отношении к другому участнику повествования: *Та, Ва, На* (Татьяна, Варвара, Надежда) . Некоторые исследователи говорят о участии разных форм имени в указании на микрожанры, которыми могут быть «авторская речь, ремарки, прямая речь персонажей, внутренняя, несобственно-прямая речь, письма и так далее Каждая из этих позиций должна находить подтверждение в сюжете и доказываться автором в дальнейшем повествовании.

1.3.2.3. Эстетическая и мифологическая функции

Учёные рассматривают имя собственное как символ, знак, в котором заложены и слово как таковое, и символическое содержание этого слова, полученное им в процессе именованья и наделённое определёнными свойствами и признаками предмета или субъекта. Мифологическая часть имени связывает не бытовое, а сакральное значение, которое было в слове в его давнем значении, но со временем потерялось. Автор осознанно выбирает то или иное имя для своего персонажа. Это указывает на то, что имя сохранило в себе значения, которые были даны ему при первоначальном

наименовании и которые сохранились в нём до настоящего времени. «Литературные имена ещё теснее связаны со своими носителями, чем реальные имена в реальной жизни. Следы мифологического мышления обнаруживаются в художественном тексте как в актах употребления имени, так в самом акте имянаречения, когда имя антиципирует судьбу героя» [Васильева 2009:144]. В каждом имени из персонажей легенд и твореств заложен огромный смысл, причём от их рождения. В художественной литературе нередко встречаются имена, которые пришли из древней легенд и твореств. В.Н.Топоров в «О мифологическом образе Семёна и Семёновы в русской традиции» писал: «В русской ономастологической традиции есть два-три десятка имён, претендующих на особый статус. Эта выделенность таких имён мотивируется тем, что помимо осуществления своего прямого назначения – названия-именования, об этих именах или даже о людях, носящих имена этого ядерного списка, известно кое-что ещё, что и определяет эмоциональный ореол каждого из этих имён и отношение к ним. Эти имена считаются меткими, точными, чуть ли не исчерпывающими характеристиками человека, и они наглядно демонстрируют своё первенство перед носителем имени и его свойствами» [Топоров 2009:44].

Итак, характеристика, перспективация, эстетическая и мифологическая функции – главные функции собственных имён в художественном произведении. Собственные имена в художественном произведении не обязательно выполняют все вышесказанные функции, но, по крайней мере, выполняют одну или две из них, «...поскольку каждое СИ в художественном произведении оказывается способным в той или иной степени выполнять все описанные выше функции и являть тем самым полифоническую гармонию своих качеств» [Васильева 2009: 144].

1.4. Имя собственное с точки зрения культурологии

Язык является важнейшим средством существования и формирования знаний человека. Познавая окружающий мир, человек фиксирует результат своего познания в языке, однако при этом язык не столько отражает реальный мир, сколько отображает его, представляет нам его интерпретацию, созданную сознанием человека, и тем самым создает новую реальность, в которой и живет человек.

Существует много определений культуры. Учёные объясняют это положение тем, что значение этого термина зависит от типа культуры. Кроме того, что существует большое количество типов культуры, каждый из этих типов способен меняться в зависимости от того или иного этапа развития общества, которому принадлежит эта культура. То есть, с каждым изменением политической, социальной структуры общества меняется содержание культуры и её определение. Культура противопоставляется бескультурью, дикости, варварству. В научном понимании культурой (от лат. *cultura* – возделывание, воспитание, почитание) называют универсум искусственных объектов (идеальных и материальных предметов), созданный человечеством в процессе освоения природы и обладающий структурными, функциональными и динамическими закономерностями» [Ильичёв, Федосеев, Ковалёв, Панов 1983].

Комплексное изучение взаимодействия языка и культуры в лингвистике началось в XIX веке. Основы культурологического и этнолингвистического подхода к изучению языка были заложены в трудах В. фон Гумбольдта. В. фон Гумбольдт считал, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 2000: 304]. В работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» В. фон Гумбольдт пишет: «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействуя на него изнутри... И каждый язык описывает вокруг народа,

которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 2000:80].

Когда речь идёт о народной культуре, то и исследователи, и те, кто пользуется результатами созданий культуры осознают, что специфический характер носит народная культура, черты которой отражаются в народных мифах, в фольклоре, а также и в литературе. В русской национальной ономастической традиции есть двадцать-тридцать имён, которые напоминают особые характеристики людей и которые указывают на отражение их в художественных произведениях. Так, в статье «О мифологическом образе Семёна и Семёновны в русской традиции» В.Н.Топоров пишет: «Каждое из этих имён доросло до эстетически отмеченного и семантически выделенного образа; многие из них – до статуса персонажа мифологического сюжета или мотива, чаще всего сниженного по сравнению с типологически соответствующим ему образом древнего мифа»[Топоров 2009:44]. В дополнение к этому В.Н.Топоров отмечает: «в известной степени язык как весьма сложное и многоуровневое устройство в известной мере может позаботиться и сам о себе, но делать это он может только вслепую, полагаясь на случай. Языку не хватает диалога, собеседника, человека-судьи и оценщика, осуществителя возможностей. Здесь нужны люди чуткие к языку и творческие – лингвисты, филологи, герменевты, философы, мыслители, писатели-художники слова. Именно они способны за приписанным слову значением уловить следы – пусть почти невидимое – соприкосновения этого слова с другими словами в разных контекстах и по крупницам восстановить историю открытия смыслов в слове, их последовательности, их соотношения, их потенциалы, которые когда-нибудь реализует гениальный поэт» [Топоров 2009:68-69].

Проблема соотношения языка и культуры находится в центре внимания не одно столетие, но до сих пор остаётся не решенной. Изучение функционирования имён собственных в текстах разных эпох и разных

жанров могут проложить ещё не известные раньше пути постижения культурной и исторической эволюции языка и народа.

I.5. Социолингвистический аспект имени собственного

Имя собственное в социолингвистическом аспекте рассматривается в работах учёных как особый, социально обусловленный пласт лексики. Специфика этой части лексики заключается в том, что на её появление и развитие оказывает влияние общественный строй и порядок. Имена собственные представляют собой результат культурной деятельности общества. Мы принимаем точку зрения А. С. Щербак о том, что и иноязычные, и исконные имена собственные сохраняют социальную память о социуме, как и о языковой среде, их формирующей [Щербак 2008]. В. Д. Бондалетов считал, что ономастика и социолингвистика тесно связаны: «...самый обильный материал для социолингвистического изучения содержит антропонимия..., т. к. она теснее всего связана с людьми и теми социальными отношениями, которые существуют в человеческом обществе» [Бондалетов 1983].

Кроме того, этот исследователь считает, что антропонимы являются наиболее богатым материалом для социолингвистического изучения, поскольку они тесно связаны с людьми и существующими в человеческом обществе социальными отношениями [Бондалетов 1976, 1983].

П. Флоренский писал, что антропонимы выполняют различную функцию в социальном аспекте: «До имени человек не есть еще человек, ни для себя, ни для других, не есть субъект личных отношений, следовательно не есть член общества, а лишь возможность человека...» [Флоренский 1993: 62].

О том, что имя предрешает судьбу человека писал поэт-символист Вячеслав Иванов: «имена имеют огромное определяющее значение для всего характера и судьбы человека <...> Как это замечательно, что в новой литературе писатели направляют значительную часть своей интуиции на

имена. Ибо имена - воистину знаки. Называя вещи, мы, как Адам, наделяем их признаками специфическими» [Альтман 1995: 76-77].

Авторы статьи «К проблеме функционирования личных имён в художественном тексте» утверждают, что «многие лингвисты отмечают социальность имени. Антропоним является важнейшим звеном, связывающим человека с социумом, ономастика представляет собой «социально-обусловленный пласт лексики» [Агеева, Бахнян 1984]. В большинстве работ по антропонимике процесс создания имени собственного рассматривается как «разновидность кодирования исторической и социокультурной информации», личные имена при этом воспринимаются как совокупность знаков или же социальных знаков, как своеобразный социокультурный ситуативный контекст» [Агеева, Бахнян 1984]» [Джандар, Лоова 2012].

Рассмотрение функционирования имени собственного в социолингвистическом аспекте, а также проявление в имени определённого культурного компонента актуально для нашей работы, так как антропоним Варвара будет рассмотрен во всех социальных слоях, в которые автор поместил персонаж, носящий это имя, а также в максимальном количестве коннотаций этого имени во время, когда были написаны эти произведения.

Выводы первой главы

Рассмотрев теоретические основы изучения имён собственных, мы пришли к следующим выводам:

1. Существует три современных тенденции в проблематике значения имени собственного. **Первая** концепция рассматривает собственные имена как «асемантические». **Вторая** концепция говорит: имена собственные получают значение только в конкретной ситуации, то есть в контексте. Согласно **третьей** концепции имена собственные обладают языковым значением особого типа и относятся к отдельной подсистеме языка, то есть в ИС есть коннотации.

2. Отличительные признаки имени собственного: имя вызывает представление о каком-то одном объекте, а не о классе объектов. Этот объект всегда чётко определён. Имя не связано с понятием и не имеет однозначной коннотации. **Основные** функции имён собственных: номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая. **Второстепенные** функции: социальная, эмоциональная, кумулятивная, экспрессивная, эстетическая, стилистическая. Собственные имена называют индивидуализаторами. Считают, что они соотносятся с дискретными объектами действительности. Учёные отмечают необычную функцию собственных имён по отношению к однородным объектам: нарицательные имена объединяют однородные объекты, а собственные имена их разъединяют. Предмет или лицо, обозначаемое именем собственным, называют носителем имени или референтом.

3. Для выявления тех значений, которые содержатся в антропониме Варвара, для получения максимальной информации, содержащейся в нём, важным является проанализировать ближайшее окружение этого имени в тексте. **Характеризация:** имена собственные рассматриваются как так называемые говорящие имена. К функции «характеризации» относится всё, что касается экспрессивности имён, эмоциональной оценки, содержащейся в имени. **Перспективация** – это функция, по которой форма имени может выражать близость, дистанцированность, отчуждённость повествователя от персонажа. Каждая из этих позиций будет доказываться автором в дальнейшем повествовании. Писатель выбирает для конкретных персонажей, на первый взгляд, обычные, но обладающие различной прагматикой имена. С учётом разных сюжетных поворотов в повествовании автор использует разные морфологические формы имени, которые придают ему уважительный, пренебрежительный или ласкательный оттенок.

4. «Культура – это совокупность результатов и процессов любой социальной деятельности человека». Культура – это мир смыслов. Эти смыслы сохраняются в языке. Связь языка и культуры рождает коннотацию слова. Коннотация – это устойчивые признаки понятия, которые выражаются лексикой. Они проявляют оценку предмета или факта, которые связаны с культурными представлениями общества.

5. Специфика социолингвистического аспекта имени собственного заключается в том, что на её появление и развитие оказывает влияние общественный строй и порядок. Рассмотрение функционирования имени собственного в социолингвистическом аспекте, а также проявление в имени определённого культурного компонента актуально для нашей работы, так как антропоним Варвара будет рассмотрен во всех социальных слоях, в которые поместил этот персонаж автор и в максимальном количестве коннотаций этого имени во время, когда были написаны эти произведения.

II. Персонаж по имени Варвара в произведениях А.П.Чехова.

II.1. Возможные интерпретации имени Варвара в русской ономастической и духовной традиции.

В нашей работе мы рассматривает девятнадцать произведений А.П.Чехова: юморески, рассказы, повести и пьеса – которые имеют в своём сюжете персонаж по имени Варвара. При анализе значения антропонима в художественном тексте существует несколько важных компонентов: смысловые и звуковые связи имени; переход «от имени к тексту» и обратно, который принят в современном ономастическом анализе; практика изучения звуко-смыслового кодирования, которую считают ключевым пунктом исследования [Двинягин, 2010: 94]. Это положения, а также повторяемость имени Варвара в разно-жанровых произведениях А.П.Чехова, дало основание проанализировать смысловые компоненты, которые это имя вносит в содержание произведений писателя.

Экстралингвистический аспект, а также тексты произведения А.П.Чехова дают возможность говорить, что есть несколько подходов к рассмотрению тех смыслов, которые приносит в текст персонаж по имени Варвара. На первый подход указывает небольшой фрагмент из повести «Степь» [ПССП, 1986, 7: 49-103]. В этом фрагменте один из второстепенных персонажей, старик Пантелей, неожиданно узнаёт, что мальчика, который появился на подводах, зовут Егорушка:

«Стало быть, Егорий... Святого великомученика Егоргия Победоносца числа двадцать третьего апреля. А моё святое имя Пантелей... помирать уже время... Смерть ничего, да только бы конечно, без покаяния не помереть. Нет пуце лиха, как наглая смерть. Наглая-то смерть бесу

радость. А коли хочешь с покаянием помереть, чтобы, стало быть, в чертоги Божию запрету тебе не было, Варваре великомученице молись. Она ходатайница. Она, это верно... Потому ей Бог в небесах такое положение определил, чтоб, значит, каждый имел полную праву её насчёт покаяния молить» [ПССП, 1986, 7: 49-103].

Великомученица Варвара ходатайствует за каждого умершего православного, чтобы после смерти ему были прощены его земные грехи. В русской духовной литературе есть известное произведение Четьи-Минеи важное для православных: «Минеи-Четии или Четии-Минеи, Четьи-Минеи, произведения русской церковно-исторической и духовно-учительской литературы, в которых, по порядку месяцев и дней каждого месяца..., излагаются повествования о жизни святых православной церкви» [Христианство 1995:112]. Под четвёртым декабря (по новому стилю это 17 декабря) помещено «Житие и страдание святой великомученицы Варвары». В Каноне великомученицы Варвары сказано, что она призвана была избавлять от греха смерти без покаяния. «Умереть внезапно, *не-чаянно*, не исповедовавшись в последний раз и не причастившись, – это во все времена представлялось православным верующим величайшим бедствием. Об избавлении от такой участи с трепетом молились всю жизнь, особую надежду возлагая на предстательство великомученицы Варвары» [Канон 1999].

Другой составляющей имени Варвара может стать обращение к персонажу по имени Варька из «нацарапанного» [по словам А.П.Чехова] во время написания «Степи» и рассказа «Спать хочется». В этом рассказе Варвара сама становится объектом воздействия жестокости и невежества. Тринадцатилетняя девочка Варька занята днём поручениями хозяев. Ночью она должна качать колыбель со спящим ребёнком, чтобы он не плакал. Девочка измучена этими обязанностями. В её сознании формируется «ложное представление» о причине её страданий. Это приводит к драматическому разрешению этого противоречия. Этот образ имеет двойное направление: с

одной стороны, тринадцатилетняя Варька испытывает непосильные мучения от взрослых – измучена непосильной работой, которую ей дали взрослые; с другой стороны – она сама становится причиной гибели младенца.

В Житии великомученица Варвара истязается принародно: она схвачена «за власы», избита отцом нещадно; «гребнями её по телу драли и свечами рёбра ей палили, и молотом бьют по голове её»[Канон 1999]. Лишает дочь жизни сам её отец, который отсекает дочери «честную главу». В рассказе Чехова «Спать хочется» тринадцатилетняя девочка Варька истязается своими хозяевами. От этих мучений она избавляет себя сама.

Этот двусторонний компонент значения анализируемого имени приводит к лексике, однокоренной с именем Варвара. Речь идёт о звуковом единстве этого имени и слов «варвар», «варварство», «варварский». Разные словари дают разные толкования имени Варвара. Одно из них указывает на происхождение этого имени из латинского языка – со значением жестокая, грубая и с греческого языка – со значением иноземка. [URL: <http://names.neolove.ru/female/2/354.html>.] Согласно этой трактовке, у Варвары сильный властный, тяжеловесно-страстный и самонадеянный склад характера. Это создаёт вокруг неё водоворот многих судеб, связанных с её судьбой. Этот компонент значения указывает на то, что персонаж, носящий это имя, может сам быть источником страдания и горя. В дополнение к этому, слово «варварский» объясняемое как невежественный, грубый или очень жестокий[URL: <https://ru.wiktionary.org>], может вносить в это имя элемент жестокости и варварства, которые направлены на другие объекты. Таким образом, исходя из трактовок сходных по звуковому содержанию лексических единиц, проекцию имени Варвара в художественном тексте можно толковать со стороны привнесения в содержание произведения признаков невежества и жестокости.

Указанные трактовки имени Варвара могут внести в текст несколько компонентов значения. Персонаж по имени Варвара проецирует на окружающих то значение этого имени, которое в духовном плане значимо и

осознаётся как значимое окружающими. Он содержит семантику страдания, которое испытывает персонаж, носящий это имя. Персонаж, носящий имя Варвара, может испытывать на себе жестокость и невежество, которые к этому персонажу проявляют другие персонажи повествования, чуждые сострадания и далёкие от понимания того, что жестокость исходит от них. С другой стороны, персонаж по имени Варвара сам может стать источником утрат и потерь, так как он сам чужд пониманию реальности производимых им действий и далёк от понимания их последствий. Кроме того, эти признаки могут стать определяющими той или иной ситуации, главенствующей в данном тексте, несмотря на то, что персонаж, носящий имя Варвара предстаёт имеющим отношение к данной ситуации только по линии развития сюжета и никак не вмешивается в его ход.

II.2. Социальный портрет и семейное положение персонажей по имени Варвара в произведениях А.П. Чехова

В данном параграфе мы рассматриваем лексику и синтаксис, которые служат для описания социального портрета и семейного положения персонажей по имени Варвара в произведениях А.П. Чехова. Мы рассматриваем, какие подтекстовые значения имеют те слова, которые характеризуют социальное положение персонажей по имени Варвара. Произведения анализируются в очерёдности создания их писателем.

Социальный статус персонажа Варвара из рассказа «Опекун» [ПССП 1986, 2: 260-262] - сирота. После смерти родителей она живёт в доме своего дяди, генерала Шмыгалова. Генерал – опекун Варвары. Деньги на содержание и воспитание Варвары генералу оставили её отец и тётя. Возраст Варвары не указан. Вероятно, ей больше восемнадцати лет. Семейное положение Варвары не могло измениться раньше, потому что к моменту повествования Варин опекун отказал пяти молодым людям, которые приходили просить её руки. Причина этого отказа заключается в том, что

опекун растратил все деньги, которые были оставлены для неё. Шестой претендент получил согласие опекуна.

Варвара в рассказе «**Дачники**» [ПССП 1986, 4: 16-17] и её муж Саша – молодожёны. Социальное положение этой семьи неизвестно. Из рассказа становится известно только то, что у Саши много родственников.

В рассказе «**Несчастье**» [ПССП 1986, 5: 240-252] имя Варя носит маленькая дочь главного персонажа рассказа Софьи Петровны. Семейное положение, возраст и портрет Софьи Петровны даны в самом начале рассказа, в одном предложении: *«Софья Петровна, жена нотариуса Лубянцева, красивая молодая женщина лет двадцати пяти...»*[ПССП 1986, 5: 240-252]. Варя, дочь Софьи Петровны и нотариуса Лубянцева. В рассказе не говорится о возрасте девочки. Она не дана в действии. Варя косвенно представлена дважды в восприятии своей матери. Первый раз во внутреннем монологе мать говорит, что она думает о дочери: *«...Варя, бедная моя девочка...»* [ПССП 1986, 5: 240-252]. Второй раз Варя также дана не в собственном действии, а косвенно описана в том, как мать ощущает дочь: *«Потом она нашла свою дочку Варю... девочка показалась ей тяжелой и холодной...»* [ПССП 1986, 5: 240-252]. Маленькая девочка Варя в рассказе не проявляет себя. Упоминание её в одном небольшом фрагменте рассказа служит только для того, чтобы отразить то, как воспринимает свою дочь её мать.

Варвара в рассказе «**Розовый чулок**» [ПССП 1986, 5: 253-256] только упоминается. Известно только семейное положение Варвары: *«к сестре Варе»*[ПССП 1986, 5: 253-256] пишет её сестра. Сестра замужем. Муж сестры, Иван Петрович Сомов – *«университетский человек»*[ПССП 1986, 5: 253-256]. Именно он вспоминает, что его жена *дочь генерала*. Значит, Варя тоже дочь генерала. Иван Петрович называет сестру Вари, свою жену *Лидочка*. Сама Лидочка, *«т-те Сомова, маленькая, хорошенькая дамочка в легкой блузе и в розовых чулочках»*[ПССП 1986, 5: 253-256], раньше училась, *«кончила в пансионе фон Мебке»*[ПССП 1986, 5: 253-256]. Вероятно, сестра

Варя тоже училась в этом пансионе. Лидочка пишет сестре большое письмо. Это может говорить о близких отношениях сестёр и об их общих интересах.

Варвара из рассказа «**Страдальцы**» [ПССП 1986, 5: 257-262] также только упоминается. Это кузина «*Лизочки Кудринской, молоденькой дамочки, имеющей много поклонников*» [ПССП 1986, 5: 257-262]. Со слов Лизочки известно, что у Вари есть муж, «*бука и деспот*» [ПССП 1986, 5: 257-262]. Значит, семейное положение Варвары в данном рассказе - замужняя женщина и кузина Лизочки. О социальном положении этой семьи в повествовании не говорится.

Семейное положение персонажа по имени Варвара в рассказе «**Тяжёлые люди**» [ПССП 1986, 5: 315-323] – старшая дочь Евграфа Ивановича Ширяева и его жены. Социальный статус отца Варвары – «*мелкий землевладелец, из поповичей*» [ПССП 1986, 5: 315-323]. Дед Варвары, отец Евграфа Ивановича – протопоп. Это высокий церковный чин. Протопопы исполняли церковные поручения и правительственные распоряжения. [URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki>] Историки православия отмечают, что, когда священник входит в этот чин, он получает «*благодать Духа, чтобы действовать так, как это было во времена апостолов.*» [URL: <https://azbyka.ru/protoierej>] Социальный статус семьи Ширяева – из священников и земледельцев. О возрасте старшей дочери Ширяева ничего неизвестно. Так как в повествовании Варвара представлена только в бессловесных болезненных реакциях на действия и слова отца, определить языковой уровень её речи, чтобы сказать об уровне её образованности, невозможно. Положение Варвары в этой семье, как и у её матери, зависимое. Старший из братьев, студент Пётр, противостоит деспотизму отца. Мать и дочь не показаны в желании или возможностях изменить своё положение в семье.

В рассказе «**Темнота**» [ПССП 1986, 6: 48-51] нет персонажа по имени Варвара. Есть производное от этого имени: деревня, которая называется **Варварино**: «*...в арестантской палате мой брат Васька, кузнец из Варварина...*» [ПССП 1986, 6: 48-51]. В этой деревне живёт большая семья:

Васька, его брат Кирила, три их сестры и их старые родители. Кузнец Васька женат, у него есть ребёнок. В дореволюционной деревне кузнецы были в каждой деревне. Орудия, которые изготавливали кузнецы, широко использовались в сельском хозяйстве. Значит, можно говорить о хорошем приобретённом профессиональном статусе одного из братьев. Другой брат, Кирила, работает на ситцевой фабрике. Приобретённый социальный статус главных персонажей этого рассказа – работники в селе.

Персонаж по имени Варвара в рассказе «Спать хочется» [ПССП 1986, 7: 7-12] именуется только Варька: *«Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребенок, и чуть слышно мурлычет...»* [ПССП 1986, 7: 7-12]. Лексема, указывающая профессиональный статус Варьки, находится в предпозиции к имени. Это следование будто закрепляет как постоянную профессиональную принадлежность человека по имени Варька быть нянькой. Словари указывают, что слово нянька объясняется: то же, что няня, старая нянька... Тот, кто приставлен для наблюдения за кем-чем-н., для попечения о ком-чем-нибудь. [URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/Njanka-17466.html>] Словарь В.И. Даля: нянька, нянюшка – женщина, которой поручен надзор за ребенком. [URL: http://v-dal.ru/word_s-61164.html] Словари не указывают, что нянькой может быть тринадцатилетняя девочка. Имена существительные: «нянька» и «девочка» – прямо показывают возраст и социальный статус этого персонажа. Варька – работник в семье сапожника. Её семейное положение показано через её сны. Отец выполнял какие-то работы в господском доме. После смерти отца мать с дочкой пришли в город наниматься. Так Варька оказалась в услужении в семье сапожника.

В рассказе «Именины» [ПССП 1986, 7: 165-195] социальный статус персонажа по имени Варвара – жена садовника в имении. Варвара – мать четвёртых детей, ожидает появления пятого ребёнка. Можно предположить, что её прирождённый статус – быть женой и матерью. Текст рассказа указывает на то, что с этим статусом Варвара справляется. Она спокойна и

рассудительна: *«Варвара, беременная уже в пятый раз и опытная, глядела на свою барыню несколько свысока и говорила с нею наставительным тоном...»* [ПССП 1986, 7: 165-195]. Её собственная функция в семье хозяев имения неизвестна. Она не названа прислугой, горничной, кухаркой. Но когда Ольге Михайловне приходит время родить, Варвара спокойно, по-хозяйски делает то, к чему приучили её традиции, правила и практика жизни. В своём прирождённом статусе Варвара профессиональна.

В повести **«Скучная история»** [ПССП 1986, 7: 248-305] имя Варвара носит жена главного персонажа повести Николая Степановича. Социальный статус персонажа по имени Варвара высокий: она жена заслуженного профессора, тайного советника, мать двоих взрослых детей. Сын – офицер, служит в Польше. Дочь занимается музыкой, собирается выходить замуж. Внешность Варвары представлена во внутреннем монологе её мужа, Николая Степановича. Это впечатление, которое на мужа производит его жена и которое можно разделить на три части: до слова **женщина** – это внешность Вари, вторая часть – её внутренняя сущность, третья – сфера интересов: *«...старая очень полная, неуклюжая женщина, с тупым выражением мелочной заботы и страха перед куском хлеба со взглядом, туманенным постоянными мыслями о долгах и нужде, умеющая говорить только о расходах и улыбаться только дешёвизне»* [ПССП 1986, 7: 248-305]. Этих впечатлений о себе Варя не видит. В этом психологическом состоянии она находится во всём тексте повествования.

В рассказе **«Бабы»** [ПССП 1986, 7: 334-346] персонаж по имени “Варвара” – жена младшего сына хозяина двухэтажного дома Филиппа Ивановича Кашина. Он арендатор, торговец разным товаром, приезжим сдаёт комнаты своего дома. Варвара - *«баба молодая, красивая, здоровая и щеголиха»* [ПССП 1986, 7: 334-346]. Семейное положение Варвары в данном рассказе - молодая жена, у которой муж *«горбатенький Алёшка»* [ПССП 1986, 7: 334-346]. В семье с него *не взыскивают: «он гуляет с ребятами и всё гуляет...»* [ПССП 1986, 7: 334-346]. После женитьбы на Варваре *«он...ещё*

хуже стал» [ПССП 1986, 7: 334-346]. Таким образом, семейный статус Варвары и Алёшки – сын- муж и жена-невестка находится на очень низком уровне. Семейный и социальный статус Варвары до замужества также низкий: её взяли из бедной семьи, членов которой Варвара называет «злыдни» [ПССП 1986, 7: 334-346].

В повести «**Рассказ неизвестного человека**» [ПССП 1986, 8: 136-208] персонаж по имени Варвара только упоминается. Автор называет этот персонаж Варвара Осиповна: «*В три или четыре часа гости...уезжали вместе за город или на Офицерскую к какой-то Варваре Осиповне...*» [ПССП 1986, 8: 136-208]. Социальное и семейное положение Варвары Осиповны не указано. Род её занятий не уточнён.

В повести «**Чёрный монах**» [ПССП 1986, 8: 221-251] персонаж по имени Варвара появляется в последней части. В текст этот персонаж вводится предложением, в котором жизни Коврина с женой противопоставлялась жизнь с другой женщиной: «*Жил он уже не с Таней, а с другой женщиной*» [ПССП 1986, 8: 221-251]. Это не даёт представления о статусе этой жизни. Также неизвестен профессиональный и социальный статус Варвары Николаевны. То, что она «ухаживала за ним, как за ребёнком» [ПССП 1986, 8: 221-251], говорит о том, что Коврин не был ей безразличен.

В рассказе «**Бабье царство**» [ПССП 1986, 8: 252-289] персонаж по имени Варварушка вводится в повествование во внутренней речи хозяйки завода Анны Акимовны, когда она перебирает всех, с кем ей приходится видеться каждый день и кто живёт в её доме или часто приходит туда: «*Её большой дом с люстрами и картинами..., благолепная Варварушка и льстивая Агафьюшка...эти чиновники, доктора и дамы...*» [ПССП 1986, 8: 252-289]. В доме Анны Акимовны две части: верхняя, где живёт Анна Акимовна, чистая, благородная половина, и половина – нижняя, торговая, стариковская или просто бабья половина. Хозяйка нижней части дома – тётушка Анны Акимовны, Татьяна Ивановна. На линии повествования

Варварушка живёт в нижней половине дома. Те, с кем она видится постоянно – Татьяна Ивановна, кухарки, прислуга, рабочие и служащие завода, священники из чернорабочей больницы, дети из приюта и много других людей, которые приходят в нижнюю половину дома и которых кормит Татьяна Ивановна. На линии повествования Варварушка не выделяется из этой среды достойных людей, трудящихся много и хорошо, но относящихся к простым людям. В прежние времена статус Варварушки в доме Ивана Ивановича, брата Татьяны Ивановны, был очень высоким. В те далёкие времена брат Татьяны Ивановны был полный хозяин завода и дома. Иван Иванович *«был кремень; во всём, что относилось к религии, политике и нравственности, он был крут и неумолим...»* [ПССП 1986, 8: 252-289]. В те далёкие времена Варварушка имела большую власть и следила за нравственностью служащих. На линии повествования статус Варварушки совсем другой. Теперь отношение людей, которые приходят в нижнюю половину дома к Варварушке и к Татьяне Ивановне, своё, развязное, потому что *«Варварушка...теперь не имела в доме никакого значения...»* [ПССП 1986, 8: 252-289]. Внешность Варварушки дана с точки зрения Анны Акимовны. Описание содержит лексические указатели этого: *«Варварушка, худая, тонкая, высокая, выше всех в доме, одетая во все чёрное, пахнущая кипарисом и кофеем, в каждой комнате крестилась на образа и кланялась в пояс, и при взгляде на неё почему-то всякий раз приходило на память что она уже приготовила себе к смертному часу саван и что в том же сундуке, где лежит этот саван, спрятаны также её выигранные билеты»* [ПССП 1986, 8: 252-289]. В этом представлении есть описание внешности и знание некоторой подробности, которое создаёт определённое впечатление об этом человеке. Указания на семейное положение благолепной Варварушки в тексте нет. Из размышлений Татьяны Ивановны и из намёков одной из участниц общих многолюдных разговоров в нижнем этаже становится известно, что хотя Варварушка выглядит как очень верующий человек, всё же *«...брат Иван Иванович и Варварушка ...и Бога*

боялись, а...потихоньку детей рожали...» [ПССП 1986, 8: 252-289]. Воспоминания о том, что ушло в прошлое, но что было в этом прошлом актуально, намёки на определённый характер действий в прошлом, указывают на двойственный, ханжеский характер благолепной Варварушки.

В рассказе **«Учитель словесности»** [ПССП 1986, 8: 304-326] имя Варя носит старшая из двух сестёр в семье Шелестовых: *«Ей было уже 23 года, она была хороша собой, красивее Манюси, считалась самой умной и образованной в доме и держала себя солидно, строго, как это и подобало старшей дочери, занявшей в доме место покойной матери»*[ПССП 1986, 8: 304-326]. В доме Варя ведёт себя как хозяйка. Но настоящее семейное положение Вари - дочь владельца фермы. В повести сказано, что отец Вари – Шелестов владеет фермой, где содержат коров. Можно предположить, что социальный статус Шелестова раньше был другой и не всегда был связан с селом. В дом Шелестова ходят офицеры. У Шелестова есть *«приятели»*, *«чиновники окружного суда»*. Один из гостей - директор кредитного общества, который организовал в городе музыкально-драматический кружок. В тексте рассказа отец Вари представлен только фамилией, без имени и отчества, с указанием на возраст: *«старик Шелестов»* - или только фамилией: *«Шелестов»*. Называние персонажа по фамилии в авторской речи говорит о дистанцированности к нему автора произведения [Виноградова 2001: 87]. Но старик Шелестов по фамилиям называет также своих гостей. Эта манера перешла и к его старшей дочери. Исследователи указывают, что *«традиция называть даже близких друзей по фамилии»* в девятнадцатом веке была распространена среди русского дворянства [Виноградова 2001: 87]. Значит, именование во внутритекстовом употреблении гостей по фамилиям могло говорить о дворянском происхождении старика Шелестова. Кроме того, по фамилиям часто называли друг друга армейские офицеры. Можно сделать вывод, что Шелестов в молодости был военным. Варя тоже называет офицеров, которые приходят в дом отца, только по фамилиям. Можно предположить, что владеть фермой отец Вари стал только после окончания

срока службы, и в действительности Варя – из семьи военного. Это происхождение может объяснять некоторые черты характера Вари: она категорична в суждениях, так же, как и отец. Но возможно, что она стала резкой и категоричной после того, как почувствовала себя хозяйкой в доме. Из разговоров Вари с другими персонажами понятно, что она образованный человек. У неё грамотная речь: *«Вот вы говорит что ученикам трудно. А кто виноват, позвольте вас спросить?...Однако вы всё-таки не доказали мне: почему ж Пушкин психолог?... Сознайтесь, что вы не правы...»* [ПССП 1986, 8: 304-326]. У Вари есть младшая сестра, Манюся, которая выходит замуж раньше своей старшей сестры. Семейный статус старшей сестры в ходе повествования не изменяется.

В рассказе *«У знакомых»* [ПССП 1986, 10: 9-25] Варя – женщина средних лет, давняя подруга Татьяны и Миши – владельцев одного имения под Москвой. В молодости Варя была курсисткой. Этот новый социальный статус появился в России в середине XIX века. Тогда начало развиваться высшее женское образование. Открывались курсы, на которых преподавали университетские профессора. Курсы носили гуманитарный характер, но открывались также и женские медицинские курсы. Появился новый социальный тип женщины – курсистка. Значит, приобретённый статус Вари, которая имеет высшее образование – врач. Варя знает литературу. Наизусть читает стихи Некрасова. У неё красивый голос, и читает она прекрасно. О внешности Вари говорится во фрагменте несобственно-прямой речи главного персонажа повести. Это удивление переменной внешности Вари: Подгорин видит перед собой *«седую с папирсой, впадающую в мистицизм Варю»* [ПССП 1986, 10: 9-25], и удивляется тому, как она не похожа *«на Варю-курсистку, рыжую, весёлую, шумную, смелую...»*[ПССП 1986, 10: 9-25]. Изменил Варю *«тяжёлый, однообразный труд...»*[ПССП 1986, 10: 9-25]. Варя работает много и трудно. У неё нет своей семьи. Семьёй для себя она сделала семью друзей. Она искренне старается им помочь и делает для этого всё, что ей кажется правильным.

Персонаж по имени Варвара в рассказе «**Человек в футляре**» [ПССП 1986, 10: 44-56] появился, когда главный персонаж этого рассказа уже был подробно представлен рассказчиком. Появление новых персонажей было началом второй части рассказа. Новые персонажи появляются неожиданно. Они совершенно не похожи ни на главного персонажа, ни на других персонажей рассказа. Новые персонажи – *«новый учитель истории и географии Коваленко Михаил Саввич с сестрой Варенькой»* [ПССП 1986, 10: 44-56]. В первом представлении рассказчик говорит о внешности и возрасте этих людей. Возраст сестры дан в противопоставлении возрасту брата, внешность – в сопоставлении: *«Он молодой, высокий, смуглый.... А она уже не молодая, лет тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая...»* [ПССП 1986, 10: 44-56]. Варенька не наделена в повествовании собственным профессиональным статусом. Точно указано семейное положение. Варя и её брат из семьи, которая имеет высокий социальный статус. Их отец – статский советник. Этот чин «соответствовал должности вице-директора департамента, вице-губернатора, председателя казённой палаты... Давал право на личное дворянство...»[URL: <http://enc-dic.com/word>] Носители данного чина имели особые привилегии и высокие должностные оклады. О социальной и материальной обеспеченности Вареньки говорит также то, что она владеет хутором, где живёт её мама. В [Щаренская 2009] именно социальное положение Вари как основа обеспеченной в будущем жизни отвергается при анализе причин того, что Беликов решился на брак с ней: *«Отчего закружилась голова Беликова? Едва ли голова умного Беликова, знающего жизнь, могла закружиться от предположений о том, что социальный статус отца Вареньки благоприятным образом сказался бы на их семейной жизни. По-видимому, в первую очередь...оттого, что она отнеслась к одинокому учителю греческого языка «ласково, сердечно».* Психологически и внешне Беликов и Варенька представляют собой разные типы людей. Причиной того, что внутренне они оба согласились соединить свои жизни, могло стать то, что в

глубине характера у Беликова и у Вари было что-то, что объединяло их, но что не проявлялось внешне. Психологическое состояние Вареньки объясняло, почему она могла выйти замуж за человека, который был совсем не похож на неё: *«жить ей у брата было не очень-то весело...»*[ПССП 1986, 10: 44-56]. Дважды в тексте указывается на отношение Вареньки к Беликову. Первый раз – это несобственно-прямая речь Вареньки: *«...да и возраст принять во внимание; тут уж перебирать некогда, выйдешь за кого угодно, даже за учителя греческого языка»*[ПССП 1986, 10: 44-56]. Второй раз это отношение показано глазами другого человека, рассказчика: *«...это была первая женщина, которая отнеслась к нему ласково, сердечно...»* [ПССП 1986, 10: 44-56]. Контраст к этим имеющим перспективу отношениям составляет название уезда, где находится хутор Вареньки – Гадячский уезд. Из двенадцати городов Полтавской губернии, которые были там в девятнадцатом веке, выбран для этого рассказа уезд с центром Гадяч. Об этимологии этого слова пишут: *«Название представляет собой прилагательное от слова гад в форме, обычной для образований от названий животных, ср. куричий, кролячий, гадючий (от гадюка)»* [URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/geo/v/gadjach.html>]. Брат и сестра украинцы. Речь Варвары Саввишны содержит просторечия: *«Ах, же, боже ж мой, Минчик! Чего же ты сердисься, ведь у нас же разговор принципиальный»*[ПССП 1986, 10: 44-56]. Её речь эмоционально окрашена.

Персонаж по имени Варвара повести **«В овраге»** [ПССП 1986, 10: 146-182] – жена купца Цыбукина. Первое представление этого персонажа содержит лексику, которая в современном представлении не должна относиться к одному и тому же человеку: Цыбукину *«нашли...девушку Варвару Николаевну из хорошего семейства, уже пожилую, но красивую, видную»* [ПССП 1986, 10: 146-182]. Сочетание пожилая девушка Варвара Николаевна затрудняет сказать более или менее точно, сколько лет было Варваре, когда она вышла замуж. Социальный статус Варвары равен её

семейному положению. Она жена епифанского мещанина, торговца Цыбукина, хозяйка его дома, мачеха его сыновей – Анисима и Степана.

В пьесе «**Вишнёвый сад**» [ПССП 1986, 13: 193-250] персонаж по имени Варя – двадцатичетырёхлетняя девушка. Семейное положение Вари в данной пьесе - приёмная дочь хозяйки имения Любови Андреевны Раневской. Но Варя также и хозяйка в доме Раневской и Гаева. Она ведёт всё хозяйство, пока Раневская живёт в Париже. Вале даны ключи от всего хозяйства. По степени прямого родства Варя – чужая в этом доме. По фактически выполняемому делу – хозяйственный глава имения. Значит, социальный статус Вари в имении высокий. Варя преданный, серьёзный, заботливый человек, любящая дочь и сестра. Она производит впечатление надёжного партнёра и радетельного хозяина. На внешность Вари в пьесе не указывает ничто, но она представляется девушкой с правильными чертами серьёзного лица не очень счастливого человека.

В вышеуказанных 19 произведениях А.П. Чехова возраст персонажей по имени Варвара варьируется от маленькой девочки до «неуклюжей старухи». Семейное положение персонажей по имени Варвара тоже разнообразно: дочь, мать, жена, сестра, подруга, кузина, хозяйка, помощница и приёмная дочь. Социальный статус персонажей по имени Варвара тоже не ровен: есть и персонажи, живущие в нищете, и персонажи достаточно высокого состоянии.

П.3. Окружающие персонажа по имени Варвара и их отношение с этим персонажем.

Современные исследования обратили свой взгляд на ономастику с точки зрения языкового сознания, учитывая особенности восприятия, идентификации и интерпретации единиц языка. Выделяется понятие антропонимической личности, под которым понимается психологическое соотношение индивида со своим именем и восприятие имени окружающими.

Исследователи отмечают, что в ходе коммуникации человек регулирует «свои отношения с окружением при помощи выбора имеющихся в его

распоряжении форм имени», «поскольку социальная роль антропонима состоит в идентификации личности как члена общества» [Бойко 2015: 15].

Этот параграф будет рассказывать о тех персонажах произведений Антона Павловича Чехова, с которыми входит в контакт персонаж по имени Варвара. Указание на это необходимо во двум причинам. Только в контактах с другими проявляются черты характера участников ситуации. Значит, только на основании анализа участвующих в контакте можно понять, какие черты раскрываются у участников этого контакта, а, значит, и то, какие черты проявляет персонаж по имени Варвара. Второй аспект заключается в том, что для данной работы важно проследить, какие лексические и синтаксические средства участвуют в раскрытии той или иной коннотации, которая заключена в имени Варвара.

В рассказе «Опекун» [ПССП 1986, 2: 260-262] генерал Шмыгалов, дядя и опекун Варвары Максимовны, растратил 10 тысяч рублей, которые оставил Варе её отец и шесть тысяч, которые девушке оставила её тётка. Формы имени Варвара в этом рассказе две: Варвара Максимовна – так называет девушку претендент на её руку и Варя – так называет её дядя-генерал и претендент – и в авторской речи, и при введении прямой речи Вари за обедом. Используемые в рассказе формы имени указывают на серьёзное отношение повествователя и действующих лиц к данному персонажу и к тому, что произошло с ним.

Сама Варвара Максимовна представлена в единственной сцене этого небольшого рассказа: в сцене обеда, в которой, кроме неё, принимают участие её дядя и претендент на её руку. Речь Вари представлена единственным её обращением к дяде: девушка высказала недоумение тем, что дядя злой. Других указаний на личность Варвары Максимовны нет, кроме уверений претендента на её руку в том, что, в случае женитьбы на ней, он прикажет Варе молчать, что запретит Варе требовать с генерала растратенное.

Рассказ предъявляет тот оттенок значения имени, когда на того, кто носит важное для православного имя человека, действуют жестокость и обман. Эти психологические воздействия особенно отрицательны, потому что они исходят не просто от родственника, они исходят от того, кто по званию должен охранять, защищать и воспитывать того, кто ещё не стал взрослым и самостоятельным. Фамилию Шмыгалов можно отнести к «говорящим» фамилиям. В основе этой фамилии лежит глагол «шмыгать»: 1. часто и быстро ходить, торопливо пробегать взад и вперёд мимо кого-, чего-либо. Форма совершенного вида этого глагола «шмыгнуть» трактуется следующим образом: 2. быстро проскользнуть куда-либо, незаметно уйти, скрыться; юркнуть [СРЯ в 4-х томах, 1984; 724]. Характеристики, которые указаны в словаре, можно напрямую отнести к персонажу, который носит однокоренное имя. Содержание рассказа с абсолютной ясностью указывает на то, что генерал Шмыгалов получил опеку над Варей и всю последующую жизнь старался торопливо незаметно уйти, скрыться и от вопросов самой Вари, и от вопросов тех, кто знал, что завещанных денег нет, что они проиграны. Когда на данное обстоятельство открыто указал один из претендентов, генерала стал действовать максимального возбуждённо. Это было странно и для его статуса: *«прошипел, багровея; топнув ногою, крикнул так громко, что даже дрогнули стёкла; нагнувшись, подбежал, как раздражённый гусак; задрезжал, бегая и поднимая вверх руки; с остервенением солил себе суп, рычал, как отдалённый гром»* [ПССП 1986, 2: 260-262]. Эти несвойственные для военного человека действия сопровождались такими же оборотами речи, которые мало возможны в разговоре уважающего себя взрослого с возможным будущим мужем той, которую ты опекаешь: *«вы рехнулись...мальчишка, молокосос?! Извольте-с убираться и не показываться мне на глаза!; вы ещё не доросли до моей племянницы, милостисдарь!; Повтори, негодяй!»* [ПССП 1986, 2: 260-262]. Генерал постепенно осознаёт, что о растрате опекунских денег сказано прямо. Этого уже нельзя скрыть. Вместе с этим осознанием изменяется и

лексика: она всё больше и больше скатывается от высокого тона раздражения к тихому извиняющемуся тону оправдывающегося: *«Вы меня страшно оскорбили! Впрочем, прощаю вам!; я ничего не растрачивал...да-с!; После обеда я вам докажу!.. Дайте только пообедать»* [ПССП 1986, 2: 260-262]. Глагол «шмыгать» в русском языке входит в словосочетание «шмыгать носом». Оно указывает на неискреннее извинение и на проливание обманных слёз, чтобы разжалобить того, кто открыл твой обман. Проявление подобного лживого сожаления отмечается и в рассказе: *«Во время третьего и последнего блюда Шмыгалов глубоко вздохнул и замигал глазами. По лицу его разлилось выражение пришибленности, забитости...Он стал казаться таким несчастным, обиженным»* [ПССП 1986, 2: 260-262]. Резкое изменение способа общения со стороны генерала, изменение в лексическом представлении речи и поступков персонажа создаёт комический эффект. Однако ситуации, когда не выполнялись опекунские обязанности, тем более по отношению к родственнице, даёт право сделать вывод, что речь идёт не о юмористической окраске рассказа, а о сатирическом представлении персонажа такого рода действий.

Таким образом, персонаж Варвара в этом рассказе актуализирует ту сторону значения этого имени, когда на него совершается негативное воздействие. Важным для нашей работы является также то, что контактирующий с Варварой родственник получил «говорящую» фамилию. Давая персонажу «значащую» фамилию, автор указывает на «авторское отношение не только к персонажу, но и к той социальной среде, из которой он происходит». Максимально полному пониманию авторского замысла способствует также «предметно-логическое значение и смысл тех слов, с помощью которых создаётся контекст..., дающий портрет персонажа, описывающий его поступки, действия, речевое поведение...» [Хазагеров 1988].

Варя в рассказе «Дачники» [ПССП 1986, 4: 16-17] – одна из сторон «недавно поженившихся супругов» [ПССП 1986, 4: 16-17]. Формы этого

имени в рассказе поделены ровно по смене состояния персонажей: в части мирной и счастливой муж называет супругу «Варя». В части, в мгновение сломавшей гармонию супругов, неожиданно налетевшие родственники используют и имя Варя, но также и ласкательную форму «Варенька», а также имеющую периферийный статус употребления «Варечка».

Как мимолётно счастье, какие нужно прилагать усилия, чтобы неожиданный приезд родственников не стал причиной ненависти. Минуту назад молодой муж смотрел на жену с нежностью. Минуту назад молодая жена говорила ему: *«Как хорошо, Саша, как хорошо!...Право, можно подумать, что всё это снится. Ты посмотри, как уютно и ласково глядит этот лесок! Как милы эти солидные, молчаливые телеграфные столбы. Они, Саша, оживляют ландшафт и говорят, что там, где-то, есть люди... цивилизация...»* [ПССП 1986, 4: 16-17]. Муж говорил в ответ: *«хорошо нам с тобой живётся, Варя, так хорошо, что даже невероятно»* [ПССП 1986, 4: 16-17].

Но вот *«тёмное страшилище бесшумно подползло к платформе и остановилось»* [ПССП 1986, 4: 16-17], из одного из вагонов послышалось: *«Варя с мужем вышла нас встретить!»* [ПССП 1986, 4: 16-17]. И *«Саша уже с ненавистью смотрел на свою молодую жену»*[ПССП 1986, 4: 16-17], а Варя *«бледная, тоже с ненавистью и со злобой»*[ПССП 1986, 4: 16-17] отвечала ему. И оказывается, что цивилизация, с её пониманием других, действительно существует и действует, но где-то далеко То, что сказала об этом Варя в состоянии счастья – это констатация того, что должно существовать. Но по-настоящему человеческие отношения – это не восторг и воспарения. Это труд и действенная работа души, которые проходят тяжело. Они не дают мгновенного результата. Они проверяются в неожиданных сменах жизненных ситуаций, когда нарушается спокойствие, и человек неожиданно оказывается перед необходимостью делать усилия, которые должны быть направлены не на себя, а на других. В контакте с мужем и неожиданно приехавшими родственниками Варвара проявляет себя по-

разному. Сначала это была молодая и восторженная женщина. Но это её состояние быстро меняется, когда неожиданный приезд родственников мгновенно открывает в душе не восторг и радость, возвышающие душу, а злость, обращающие душу к самым греховным состояниям. И очень быстро родственники становятся для Вари чужими и ненужными.

В рассказе «**Несчастье**» [ПССП 1986, 5: 240-252] имя Варя носит маленькая дочь главного персонажа рассказа Софьи Петровны. Эти два персонажа связаны самыми близкими родственными отношениями. Мать и дочь вместе представлены один раз, в очень небольшом абзаце: Софья Петровна, возбуждённая и сердитая на себя, пришла со свидания с влюблённым в неё другом семьи. Она просила его оставить её, но не сумела убедить влюблённого в искренности своих слов. Ей стыдно за себя. Придя домой, Софья Петровна требует, чтобы кухарка сейчас же накрывала на стол для мужа, *«собственноручно собрала для него стол, чего раньше никогда не делала. Потом она нашла свою дочку Варю, подняла её на руки и горячо обняла; девочка показалась ей тяжёлой и холодной, но она не хотела сознаться себе в этом и принялась объяснять ей, как хорош, честен и добр её папа»* [ПССП 1986, 5: 240-252].

Софья Петровна собрала для мужа стол и нашла свою дочь. Найти можно то, что потерялось или спряталось. Софья Петровна нашла дочку, а потом *«подняла её на руки»*. Родители обычно берут на руки маленького ребёнка. Софья Петровна дочку подняла. Мать *«горячо обняла»* дочку, но девочка показалась матери *«тяжёлой и холодной»*. Близкое и родственное *«дочка»* во второй части предложения заменено общеродовым *«девочка»*. Слово *«девочка»* в тексте сопровождается определениями: тяжёлая и холодная. Тяжёлая девочка. Холодная девочка. Когда прилагательное тяжёлый даёт характеристику объекту, то среди других значений оно указывает на: 5.требующий большого труда, усилий, напряжения для осуществления, преодоления, понимания; 6.выдерживаемый, переносимый с трудом; затруднительный обременительный; 7.сильный, большой, глубокий:

Тяжёлое преступление; тяжёлое осложнение; тяжёлое состояние. 8.причиняющий физические страдания; 9.мучительно переживаемый, доставляющий душевные страдания, боль;. 10.тягостный, мрачный, гнетущий; 11.неприятный в общении..» [Словарь русского языка]. Все определения этого слова указывают на психологическую трудность, физическую неприятность при контактировании. Определяя атмосферу семьи, эта лексема тоже укажет на психологические трудности во взаимопонимании и искренности между её членами. Это слово входит также во фразеологизм «тяжёлая ноша», который определяет непосильные для человека дело, труд, заботу.

Лексема «холодный» в СРЯ определяется как: «1.имеющий низкую температуру...; 5.остывший или недостаточно горячий;...; 8.лишённый пылкости, страстности; 9.хладнокровный, крайне сдержанный в проявлении чувств...»[Словарь русского языка]. В последнем значении эта лексема может быть частью словосочетания холодный человек, которое характеризует темперамент взрослого человека. О темпераменте ребёнка говорят: Это вялый / безразличный ребёнок. Трудно представить ситуацию, когда о ребёнке сказали бы холодная девочка.

В тексте рассказа нет разговора матери с дочкой. В сложном психологическом состоянии мать, стараясь уверить себя в своей искренней привязанности к семье, находит свою дочь *тяжёлой и холодной*. Во внутренних монологах Софья Петровна называет себя мелочной, эгоистичной, скрывающей лживость её отношения к мужу и дочери. Это понимание усугубляется тем, что для Софьи Петровны и её дочь, Варя – тяжёлая ноша, не согревающая сердце обуза для матери. Ребёнок рисуется матери тяжёлым и чужим: не дочка, а девочка. В рассказе ребёнок воспринимается не как образ, а как инструмент, который дополняет атмосферу неискренности и обмана этой семьи.

В небольшом рассказе «**Розовый чулок**» [ПССП 1986, 5: 253-256] в повествовании участвуют университетский человек Иван Петрович Сомов и

его супруга Лидочка Сомова, которая пишет письмо «к сестре Варя» [ПССП 1986, 5: 253-256]. Это единственное упоминание этого имени. Лидочка и Варя – дочери генерала. Лидочка – жена «университетского человека» [Там же]. Лидочка «строчит» сестре очередное «писанье». Муж Лидочки заглядывает в него и видит «крупные, хромяющие буквы, узкие и тощие, с невозможными хвостами и закорючками. Клякс, помарок и следов от пальцев многое множество...каждая строка, дойдя до края листка, со страшными корчами, водопадом падает вниз...» [Там же].

Возмущённый муж поражён безграмотностью письма, никчемностью, пустотой содержания лексики: «-...Исписала шесть страничек, потратила на писанье битых два часа и...и хоть бы тебе что! Хоть бы одна мыслишка!...В небрежном письме смысл и лад есть, есть содержание, а у тебя...извини даже названия подобрать не могу! Сплошная белиберда!... Кричит бедная грамматика! Что ни строчка, то личное для неё оскорбление!...А почерк! Это не почерк, а отчаяние...А между тем ты по своему положению принадлежишь к образованному интеллигентному кругу, ты жена университетского человека, дочь генерала! Послушай, ты училась где-нибудь?» [Там же] Письмо на шести страницах, которое Лидочка пишет сестре Варя, Иван Петрович называет *китайской тарабарщиной на чайных ящичках и сплошной белибердой*. Можно предполагать, что такое большое письмо Лидочка пишет не первый раз, что сёстры переписываются регулярно, что у них общие интересы, и сестра Варя также пишет сестре Лиде большие письма.

В рассказе «Страдальцы» [ПССП 1986, 5: 257-262] два главных персонажа тоже муж и жена: Василий Степанович Кудринский и его жена Лизочка. О персонаже по имени Варвара только упоминается: к кухне Варя, муж которой «бука и деспот» [ПССП 1986, 5: 257-262], Лизочка ездит в гости; кухня Варя и Варин муж присутствуют также на «похоронах», которые Лизочка рисует в своём воображении, так как именно на похоронах все родственники поймут, кого они потеряли в лице Лизочки. Кухня

Варвары – Лизочка показана «в болезни» от «ужасно холодной лимонной воды с немножечком коньяку» [ПССП 1986, 5: 257-262] и съеденной «морковочки». Это капризная провинциальная «молоденькая дамочка, имеющая много поклонников» [ПССП 1986, 5: 257-262]. Повествователь именует её одной формой имени – уменьшительно-ласкательным Лизочка. Лизочка тоже всё называет уменьшительно, ласково. Окружающие должны увидеть её хрупкость и прелесть. Они должны быть заняты сохранением этих нежных черт милой дамочки. Какова кузина Варвара неизвестно. Но её двоюродная сестра Лизочка хитра, мелка, эгоистична, капризна и с претензией на повышенное внимание.

В рассказах «Розовый чулок» и «Страдальцы» имена главных женских персонажей, не вызывающие симпатий, именуются уменьшительно-ласкательной формой своих имён с суффиксом -очк-: Лидочка, Лизочка.

В Рассказе «Тяжёлые люди» [ПССП 1986, 5: 315-323] в семье Евграфа Ивановича Ширяева и его жены Федосьи Семёновны пятеро детей: четверо сыновей и одна дочь, Варвара.

Полное прилагательное тяжёлый в форме множественного числа читается как характеристика какого-то множества людей. Эта лексема определяет характер взаимоотношений в семье Ширяевых и характеризует три ветви семьи: сына, отца, деда. Она определяет характер главы семьи, Евграфа Ивановича: «Федосья Семёновна, не привыкшая за двадцать пять лет к тяжёлому характеру мужа, вся съёжилась» [ПССП 1986, 5: 315-323]. В форме именной части составного сказуемого краткая форма этого прилагательного служит характеристикой деда, отца и самого Петра: «он был так же вспыльчив и тяжёл, как его отец и его дед протоп, бывший прихожан палкой по головам» [ПССП 1986, 5: 315-323]. Выраженная кратким прилагательным предикативная форма входит и в речь Петра, когда он пытается защититься от деспотизма отца свою мать: «Грубый, невоспитанный человек! Вы грубы... понимаете? Вы грубы, тяжёлы, черствы!» [ПССП 1986, 5: 315-323]. В форме наречия эта лексема характеризует жизнь семьи с

отцом: *«...он решил...поговорить с отцом, втолковать ему, раз и навсегда, что с ним тяжело и страшно жить» [ПССП 1986, 5: 315-323].*

В рассказе имя старшей дочери Варвары упоминается только в речи повествователя. Используется только полная форма этого имени. Повествователь вводит этот персонаж в начале повествования: *«старшая дочь Варвара»*, когда представлял членов семьи Ширяева. Характеристика дочери уточняется в сцене, когда начался семейный скандал: *«Ребята и старшая дочь Варвара, девушка-подросток с бледным некрасивым лицом, положили свои ложки и замерли» [ПССП 1986, 5: 315-323].* Это описание представляет не только внешность Варвары, но, как и весь этот абзац, психологическое состояние всех членов семьи. Контактирует Варвара только со своей семьёй, с родителями и братом Петром. Это не речевой контакт. Это – реакция старшей дочери на то, что происходит в семье. Кроме первого, уже упомянутого случая, Варвара появляется в следующих ситуациях:

–бегая по комнате и спотыкаясь, схватив себя за голову, визгливым голосом отец орал на семью. *«Федосья Семёновна...вся съёжилась и залепетала что-то в своё оправдание...Ребята и старшая дочь Варвара, девушка-подросток с бледным некрасивым лицом, положили свои ложки и замерли» [ПССП 1986, 5: 315-323];*

–после крика отца, что он выгонит всех из дому, *«дочь Варвара долго глядела на мать разинув рот, потом перевела тупой взгляд на окно. Побледнела и, громко вскрикнув, откинулась на спинку стула»[ПССП 1986, 5: 315-323];*

–выбежав из дому после ора отца и пойдя по грязной дороге в поле, Пётр стал представлять себе, как он будет идти и идти по голой холодной земле, *«свалится и умрёт»*. Вернувшись, *«дома застал он тишину. Сестра Варвара лежала за перегородкой и слегка стонала от головной боли» [ПССП 1986, 5: 315-323];*

–решив всё сказать отцу: о том, что он уважает его и о его грубости и невоспитанности – *«плача и глядя на мать со злобой»*, Пётр закричал, что не

желает больше жить в этом доме. *«Дочь Варвара вскрикнула за ширмой и громко зарыдала. Ширяев махнул рукой и выбежал из дому» [ПССП 1986, 5: 315-323].*

Сестра Варвара не представлена ни одним собственным словом. Не говорится о её внутренней реакции на всё, что происходит в доме на её глазах. Только внешние проявления указывают на то, что внутренняя реакция есть и она сильна. Отец и старший брат орут друг на друга и на остальных членов семьи. Лексика главы семьи в разговоре с сыном: *«Берите всё! Грабьте! Душите! Обирайте всё до нитки! Выжимайте последнее! Грабьте! Душите за горло!Объели опили, так нате вам и деньги!» [ПССП 1986, 5: 315-323]*, трижды повторенное: *«Молчи! Молчи! Молчи!» [ПССП 1986, 5: 315-323]*; императивное начало фразы, восклицательные знаки в конце передают атмосферу несдерживаемого оскорбительного характера этого семейного контакта. Брат пытается оправдываться. Варвара не говорит ни слова. Но её можно считать одним из четырёх основных персонажей рассказа: психологически именно она тяжелее других переносит происходящее в семье. Именно на ней сильнее всего сказывается жестокость и несправедливость отношений в семье. Внешняя реакция старшей дочери Ширяева не слабее слов говорит о состоянии девушки. Её реакция на то, что происходит в семье: *«смотрит тупым взглядом, громко рыдает и не произносит ни одного слова»[ПССП 1986, 5: 315-323]* – это реакция психически сломленного человека.

Деспотизм, проявляемая при малолетних детях и при больной дочери, жестокость по отношению к старшему сыну и жене, невозможность и немыслимость противостояния обезличивают одного человека – мать, приводят к болезни другого члена семьи – дочь. Текст рассказа не даёт примеров физической жестокости отца семьи. Речь идёт только о моральном давлении и унижении. Причиной этого может быть невоспитанность; непонимание того, что людей, зависящих от тебя материально, можно не мучать этой зависимостью и не испытывать за это к ним звериной ненависти.

С ними можно разговаривать и о невозможности в той или иной ситуации дать деньги, и о необходимости относиться к деньгам уважительно, и говорить об этом без крика и оскорблений. Известно, что у своего любимого брата, Николая Чехова, старший брат, Антон Чехов, находил только один недостаток – его крайнюю невоспитанность.

Рассказ представляет атмосферу варварского отношения к семье в его сильном варианте – со стороны главы семьи. Отец и муж относятся к детям и к жене, как к чужим нахлебникам. Жена и мать пытается объясниться с мужем и защитить детей, но она не в силах противостоять этому отношению. Старший сын только кричит, разговаривая с отцом. Старшая дочь полностью подавлена грубостью отца, и у неё нет слов, чтобы защитить себя. Отсутствие слов для объяснения с отцом, безмолвная реакция на жестокость и грубость ещё больше уничтожают Варвару как личность.

В рассказе «Темнота» [ПССП 1986, 6: 48-51] в «уездный городишко» приезжает сначала Кирила – брат деревенского кузнеца Васьки, которого арестовали за кражу из деревенской лавки табака, а потом отец Васьки. Васька уже просидел в остроге год, и теперь получил три года арестантских рот. В рассказе нет персонажа по имени Варвара. Есть производное от этого имени: деревня, откуда все трое, называется *Варварино*. Дело, за которым брат и отец Васьки приехали в городишко – освободить Ваську. С мольбой об этом брат падает в ноги врачу: *«Ваше благородие, отпусти! С голоду вседохнут!...Сделай милость, отпусти его, господин хороший»*[ПССП 1986, 6: 48-51]. Об этом же просил Кирила станового и следователя. *«Васька женатый и ребятёнок есть»* [ПССП 1986, 6: 48-51]. В деревне *«мать деньденьской ревет, Васькина баба ревет...На свет белый не глядел бы!»*[там же] Кирила обращается с просьбой освободить брата к врачу, потому что Васька сейчас в лазарете. И брат не может понять, почему доктор разговаривать не хочет. Становой и следователь Кирилу выгнали. *«К кому же идти?»* [там же] Отец братьев просит: *«Ваше благородие! Будьте милостивы! Мы люди бедные, благодарить не можем...но...Кирюшка и*

Васька отработать могут. -Отработаем! Отпусти! С голодудохнут! Ревма-ревут» [там же]. Отец и сын молят доктора: «Яви божескую милость, отпусти ты Ваську домой! Заставь вечно Бога молить! Ваше благородие, отпусти!» [там же] Не понимают отец и сын, почему доктор не слушает их. Не понимают, что у доктора нет такого права: судить или миловать. Действия и слова отца и Кирилы выявляют ещё одно значение слова *темнота*: «невежество, необразованность, культурная отсталость», «оценка чего-либо как косного, оценка кого-либо как невежественного, бескультурного». [URL: <http://www.rulib.info/word/temnota.html>] Однокоренным слову *темнота* является и слово *темница*: место заключения, тюрьма. Васька сидит в тюрьме, в настоящей темнице. В темноте духовной и его душа: когда Васька соглашался залезть в лавку, он не видел перед собой старого немощного отца, не слышал плача матери и ребёнка. Обрёл свою семью на несчастную, голодную, варварскую жизнь.

Название деревни – *Варварино* – дополняет темноту непонимания обычных вещей: не в правах доктора решать судьбу заключённого; в человеческих силах выбрать темноту или свет.

В рассказ «**Спать хочется**» [ПССП 1986, 7: 7-12] главный персонаж рассказа – девочка Варька, тринадцати лет. Это имя упоминается в рассказе в единственной, уменьшительно-уничижительной форме – Варька. Небольшой рассказ имеет две линии повествования: линия снов Варьки и линия её реальной жизни. На линии снов рядом с Варькой находятся мать, больной, умирающий в конце концов отец, а также люди с котомками и какие-то тени. На линии своих снов Варька – наблюдатель происходящего. Ей принадлежит только один вопрос: почему люди и тени падают на землю в грязь, и она плачет в лесу после смерти своего отца.

На линии повествования после смерти отца Варька вместе с матерью «*спешат в город наниматься*» [ПССП 1986, 7: 7-12]. Варьку отдали в семью сапожника, где есть его жена и маленький ребёнок. Варька взята в семью нянькой. Но семья сапожника использует её и как несущую на себе всю

работу по дому. В рассказе представлены в последовательности крики-приказы, которые Варька слышит от своих хозяев в течение дня:

1. *«Варька! Затопи печку!»*
2. *«Варька! Поставь самовар!»*
3. *«Варька! Почисть хозяину калоши!»*
4. *«Варька! Помой снаружи лестницу, а то от заказчиков совестно!»*
5. *«Варька! Ставь самовар!»*
6. *«Варька! Сбегай купи три бутылки пива!»*
7. *«Варька! Сбегай за водкой!»*
8. *«Варька, где штопор?»*
9. *«Варька, почисть селёдку!»*
10. *«Варька! Покачай ребёнка!»* [ПССП 1986, 7: 7-12]

Команды хозяев даны с небольшими перерывами. Они оформлены однотипно: имя – императив – объект. Входящий в состав этих команд императив, повторяемость построения этих команд, неизменяемость следования составляющих их слов позволяют говорить о том, что автор намеренно выбрал такой однообразный, но содержащий определённое физическое воздействие повтор. Эти лексико-синтаксические повторы создают впечатление ударов, которые хозяева наносят Варьке: удар – небольшая передышка, следующий удар – передышка, новый удар.

Ответная реакция Варьки на крики хозяев – действия: *«Варька...бежит в сарай за дровами; колет лучину; садится на пол, чистит калоши; моет лестницу, убирает комнаты, потом топит другую печь и бежит в лавочку; срывается с места и старается бежать быстрее, чтобы прогнать сон»* [ПССП 1986, 7: 7-12]. Действия выражены формой настоящего времени глаголов несовершенного вида. Содержательно глаголы передают разное положение в пространстве, которое занимает Варька в течение дня: *бежит, садится, убирает*. Глаголы движения однонаправленного действия в форме настоящего времени – *бежит, бежит, срывается с места, старается*

бежать быстрее – указывают на бесконечное перемещение субъекта, которое проделывается в очень быстром темпе. Форма настоящего времени глаголов указывает и на сиюминутность действия, и на настоящее ежедневно повторяющихся действий.

Так Варька занята днём. Ночью она должна успокаивать ребёнка, который *«давно уже осип и изнемог от плача, но всё ещё кричит, и неизвестно, когда он уймётся»*[ПССП 1986, 7: 7-12]. Если она случайно засыпает и ребёнок кричит, хозяин ударяет её по голове и *«больно треплет за ухо»*[ПССП 1986, 7: 7-12].

На линии повествования тринадцатилетняя Варька не произносит ни одного слова. Только в конце дня, когда слышится последний приказ: *«Варька! Покачай ребёнка!»*[там же], Варька мурлычет *«Баю-баюшки-баю..., а я песенку спою»*[там же]. Варька слышит «ответ»: *«А ребёнок...изнемогает от крика»* [там же]. Варька прислушивается к крику ребёнка и понимает, кто мешает ей жить: *«Ложное представление овладевает Варькой. Она встаёт с табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате»* [там же].

Словосочетание «ложное представление», которым описано состояние тринадцатилетней няньки, с трудом можно применить к девочке из дореволюционной русской деревни, которая находится в услужении в доме сапожника и выполняет всю подённую работу. Это словосочетание может описывать систему представлений, которые образовались у взрослого в результате ошибочно сделанных выводов. Это словосочетание не принадлежит ни лексике хозяев Варьки, ни ей самой. Это терминология из языка повествователя.

Трудно отнести к детским действиям также и действия, которые предпринимает здесь Варька. Она *«широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается»*[там же] – так поступит взрослый, который неожиданно понял то, чего не понимал долго. Варька *«смеясь, подмигивая и грозя зелёному пятну пальцами..., подкрадывается к колыбели и наклоняется к*

ребёнку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеётся от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мёртвая...»[там же].

«Ложное представление» может стать побудительным мотивом у взрослого, который определяет свои действия в серьёзной ситуации. В такой ситуации взрослый продумывает, как ему поступить и прохаживается по комнате. Может ли прохаживаться по комнате тринадцатилетняя девочка, которую измучила подённая работа и которая не высыпалась много ночей? Лексика предфинального события и финальные действия ребёнка указывают на то, что жизнь и отношение окружающих могут перестроить психику ребёнка, поставить его в такие условия, когда, чтобы освободиться, он идёт на любой шаг. Даже если представить, что следующее утро для выпавшегося ребёнка, скорее всего, закончится так, как кончается рассказ, но без финальной оговорки со значением сравнения.

В рассказе «**Именины**» [ПССП 1986, 7: 165-195] персонаж по имени Варвара именуется только этой формой имени. Варвара представлена в двух ситуациях этого рассказа. В первой ситуации Варвару случайно встречает хозяйка имения, во второй раз Варвара вместе с горничной готовят дом к родам хозяйки. В первой встрече Варвара представлена спокойной, опытной роженицей. Контакт двух женщин был коротким и состоял, в основном, из пауз: *«Обе женщины молча как будто понимали друг друга» [ПССП 1986, 7: 165-195].* Повествователь замечает, что Варвара *«говорила..несколько наставительным тоном»[ПССП 1986, 7: 165-195].* Варвара даже не говорила сама, а только отвечала на вопросы хозяйки. Её ответы были кратки и не указывали на желание продолжать разговор. Разговора не было. На вопрос Ольги Михайловны о состоянии здоровья Варвара отвечает: *«А ничего...»* и не задаёт такой же вопрос, что, возможно, было бы естественно. Второй своей репликой хозяйка открыто показала жене садовника, что ей нужен разговор о том, что она чувствует. Эта реплика также не поддержана. Причина такой сдержанности в разговоре с хозяйкой может находиться в

характере немногословной Варвары. Но может быть так, что вопросы хозяйки кажутся Варваре не стоящими серьёзного ответа.

В своём положении ожидания ребёнка хозяйка имения и жена садовника равны. Но «хозяйкой положения» в этой ситуации чувствует себя Варвара и потому говорит с хозяйкой своего мужа спокойно и немного свысока. Ольгу Михайловну раздражают и злят её гости, её муж, их разговоры и требования. Но наставительный тон жены садовника её не отталкивает. Напротив, *«она согласилась бы простоять так, молча и без всякой надобности, до самой ночи»*[ПССП 1986, 7: 165-195]. Состояние спокойствия и нужности той, с кем она говорит, являются очень контрастными с тем, как чувствует себя Ольга Михайловна среди людей своего уровня, среди своих гостей. Простая Варвара в своём очень серьёзном знании – что такое родить ребёнка – не была хозяйке чужой. Она была хозяйке нужнее, чем все гости.

Второй раз Варвара делает то, что нужно обязательно делать, чтобы помочь рожаящей женщине: открывает ящики комода, отпирает шкатулку; мужа Ольги Михайловны твёрдо просит послать в церковь, чтобы открыли царские врата. Варвара успокаивает барыню, говорит, что ребёнок *«живой бундить»*. Варвара показана в простом деле: помогает родить. Делает всё, что знает сама. В этом деле она спокойна и выше барыни. Она всё делает так, как делала бы своей ровне. Но она не была барыне ровней во всей остальной жизни, где были богатство, чины и много лжи. Усердие, искренность и естественность действия Варвары не помогли Ольге Михайловне.

В повести *«Скучная история»*[ПССП 1986, 7: 248-305] имя Варвара носит жена главного персонажа повести Николая Степановича. В повести есть только одна форма этого имени – Варя. В повести нет случая, когда бы муж обращался к жене по имени. В своей внутренней речи он называет её только Варя. Сама Варя обращается к мужу только по имени отчеству. Это могут быть разговоры-просьбы, разговоры-укоризны: *«Надо бы нам с тобой поговорить серьёзно, Николай Степанович...Ради Бога, Николай Степанович!... Извини, Николай Степаныч, но все наши знакомые и соседи*

стали уж поговаривать о том, что ты очень часто бываешь у Катю...» [ПССП 1986, 7: 248-305]. Разговоры Вари с мужем являются источником получения информации о том, какая она мать и жена. Каждое утро жена приходит в кабинет к мужу с однообразными, повторяющимися жалобами или просьбами. Это развёрнутые обращения к супругу. Эти просьбы высказываются уже давно, но они не приводят к их исполнению или устранению причин для жалоб. Роли жены и матери эта женщина выполняет в равной степени с полной отдачей всей себя. Но эта ежедневная забота не решает ни одной проблемы. Раньше дом был наполнен теплом, и всё в доме было естественно. Потом муж получил генеральский чин, и жена посчитала это сигналом к изменению атмосферы дома: в доме стала торжествовать торжественно-возвышенная важность. Каждое утро жена Варя повторяет одни и те же вопросы о здоровье мужа. Но от этих забот муж не становится здоровее. Мать Варя очень хочет устроить судьбу дочери. Каждое утро Варя говорит мужу: *«Когда речь идёт о счастье дочери, надо отбросить всё личное» [ПССП 1986, 7: 248-305].* Но личное счастье дочери не устроилось, а попытка это сделать окончилась драматически. Николай Степанович слушает свою жену Варю, которая приходит к нему в кабинет *«с тупым выражением мелочной заботы и страха перед куском хлеба, со взглядом, отуманенным постоянными мыслями о долгах и нужде» [ПССП 1986, 7: 248-305],* и не может понять, как случилось, что та Варя, которую он *«полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту» [ПССП 1986, 7: 248-305],* теперь стала сырой неуклюжей старухой: *«Неужели это та самая жена моя Варя, которая когда-то родила мне сына?» [ПССП 1986, 7: 248-305]* Превращение весёлой девушки в жену и мать почему-то уничтожили чистоту души, затемнили ясный ум. Её заботливость суетлива, не имеет чётких задач, не знает, как перенести в жизнь то, о чём думает и чего хочет получить эта Варя для семьи.

В рассказе **«Бабы»** [ПССП 1986, 7: 334-346] именем Варвара этот персонаж называет повествователь. Саму Варвару по имени не называет ни

один из персонажей, кроме её снохи Софьи. Отношения этого персонажа с окружающими становятся известны не из действий, а из слов самой Варвары и из двух реплик. Дважды ей дана опосредованная характеристика: свёкром – разговорно-сниженное, бранное *кобыла*; [URL:<http://enc-dic.com/word/k/Kobla-10664.html>] свекровью – уничижительное и презрительное, потому что Варвара взята из бедной семьи – *барыня*. Обе реплики вводятся глаголом *крикнуть*, который является эмотивно окрашенным глаголом речи: *Дюдя крикнул на неё, старуха крикнула ей*. Лексика повествователя и лексика персонажей указывают на семантику злобы и отдалённости в отношениях этих персонажей.

Эту же семантику содержат лексические единицы и структура реплик Варвары. В трёх фрагментах рассказа Варвара представлена репликами-реакциями на услышанное. В первом фрагменте Варвара не дослушивает страшный рассказ проезжего о Машеньке и уходит со словами: *«Взять вожжи, да тебя бы так...Извели нашу сестру, проклятые»*[ПССП 1986, 7: 334-346]. В третьем фрагменте она огрызается на окрик-требование свекрови выгнать со двора овец: *«Вот ещё! Стану я на вас, иродов, работать...»* [ПССП 1986, 7: 334-346]. Три из представленных реплик в начальной позиции имеют глагольную лексему. По стилистической принадлежности они относятся к разговорному стилю речи с отрицательным оценочным компонентом. Семантика частицы *вот ещё* – решительный отказа от чего-либо, подчёркнутое несогласие с чем-либо. Начиная ответную реплику частица *вот ещё* ещё больше усиливает выражаемое ею значение решительного несогласия. Манера произнесения обеих реплик обозначается глаголом *проворчать* – неактуальном для манеры разговора молодой красивой женщины.

Третий фрагмент, где присутствует Варвара – ночной разговор с Софьей, с рассказом о себе в прошлой жизни, в девках, и в замужестве. Две женщины встретились у ворот на лавочке около дома, когда *«тень от церкви, чёрная и страшная, легла широко и захватила ворота...и половину дома»* [ПССП

1986, 7: 334-346]. В пяти ответах-репликах на предостережения жалостливой и богобоязненной Софьи молодая и здоровая Варвара отвечает бесшабашно и решительно:

«–Варвара, ты, что ли? – спросила Софья. –А хоть бы и я»;

«–Не нагуляла бы ты себе...какого горя... – сказала Софья... . –А пускай»;

«–Грех! – шепнула Софья. –А пускай...»;

«–Грех! – опять шепнула Софья. –А пускай»;

«–Страшно...Бог убьёт. –А пускай...» [Там же].

В небольшом фрагменте текста в репликах Варвары пять раз повторяется одинаково оформленное междометное сочетание, которое имеет значение безразличия, равнодушия ко мнению окружающих. Повторения акцентируют значимость для Варвары этих качеств и их постоянство в её характере.

Когда Варвара узнала, как окончила свою жизнь Машенька, она *«легла рядом с Софьей, подумала и сказала тихо:*

–Я бы своего Алёшку извела и не пожалела...

...Варвара шепнула на ухо:

–Давай Дюдю и Алёшку изведём!...Дюдя уже старый..., а Алёшка, скажут, от пьянства издох» [Там же].

Не бесшабашно и решительно, а сначала подумала и стала говорить о муже и свёкре Варвара: *изведём*, чтобы *издох*. Одно из значений глагола *извести* – уничтожать, ликвидировать. Как на основное значение приставки *из-* словари указывают на значение предельной полноты, крайней степени доведения до результата, исчерпанности действия. Помимо указанных предельных действий [Ожегов, СРЯ 153] указывает на просторечное значение пренебрежительности, заключающееся в глаголе *издохнуть*.

Лексика и построение фразы Варвары указывает на то, что она враждебна всему, кроме Софьи, семейству Кашиных. В своём родном доме ей тоже всё было чужим: и жизнь, и родные; там она *«куска недоедала, босая ходила и ушла от тех злыдней» [ПССП 1986, 7: 334-346].* Замуж её отдали, *«а муж...горбатый, постылый, крутой...»[ПССП 1986, 7: 334-346],* и свёкор

у неё «проклятый». Она враждебна миру, в котором она жила и живёт и жёстко не принимает семейных и социальных законов этого мира. То, что среди тех, с кем гуляет Варвара есть попович, указывает на то, что законы нарушаются и в другой, церковной среде.

В повести «**Рассказ неизвестного человека**» [ПССП 1986, 8: 136-208] персонаж по имени Варвара - Варвара Осиповна - только упоминается и упоминается однажды: *«В три или четыре часа гости расходились или уезжали вместе за город или на Офицерскую к какой-то Варваре Осиповне...»*[ПССП 1986, 8: 136-208]. Расходились или уезжали к Варваре Осиповне гости из дома петербургского чиновника Орлова. Именно их можно считать персонажами, с которыми контактировала Варвара Осиповна. Неизвестный человек, игравший роль слуги в его доме, напишет Орлову, своему бывшему хозяину: *«...отчего Вы, не успев начать жить, поторопились сбросить с себя образ и подобие Божие и превратились в трусливое животное, которое лает и этим лаем пугает других оттого, что само боится?...с какой чисто азиатской, ханской заботливостью Вы оберегаете себя от голода, холода, физического напряжения»*[ПССП 1986, 8: 136-208]. Один из гостей этого хозяина, юрисконсульт, также отправляющийся к Варваре Осиповне, «искуснейший адвокат» смотрел на людей *«только с деловой точки зрения: веровать в Бога не умно, но религия должна быть охраняема, так как для народа необходимо сдерживающее начало...»* [ПССП 1986, 8: 136-208]. Другой гость, действительный статский советник, *«...карьерист мелкий, строивший свою карьеру на одних лишь подачках..., прикидывался утончённым и изысканным развратником..., врал про себя бессовестно»*[ПССП 1986, 8: 136-208]. Третий гость, «сын почтенного учёного генерала», *«по протекции получил место в министерстве государственных имуществ...к службе относился с редким легкомыслием...Жил он с семьёй в долг... Вели его в какой-нибудь притон – он шёл. Ставили перед ним вино – пил, не ставили – не пил; бранили при нём женщин – и он бранил свою..., а когда хвалили, то он тоже хвалил и искренно*

говорил»[ПССП 1986, 8: 136-208], что любит её, бедную. К неизвестной Варваре Осиповне такие люди могли прийти в четыре часа утра. Форма несовершенного вида глаголов расходиться и уезжать указывает на повторяемость этих действий. Значит, у Варвары Осиповны часто принимали этих людей, которые находили в её доме для себя то, что было им нужно и интересно.

Персонаж по имени Варвара Николаевна в повести «**Чёрный монах**» [ПССП 1986, 8: 221-251] появляется в последней, девятой главе повести. В повествовании нет описания знакомства и отношений Варвары Николаевны с Ковриным. Отсутствует информация о жизни и положении этой женщины до знакомства с Ковриным. На отношения с новой подругой указывает одно мимолётное замечание - отношение Коврина к предложению ехать в Крым. Оно передано не в диалоге Коврина с Варварой Николаевной, а в авторском повествовании: *«Настроение у него было мирное, покорное; он охотно подчинялся и когда Варвара Николаевна...собралась взять его в Крым, то он согласился, хотя предчувствовал, что из этой поездки не выйдет ничего хорошего»* [ПССП 1986, 8: 221-251]. Единственный, с кем рядом находилась Варвара Николаевна, был Коврин. По приезде в Севастополь, Варвара Николаевна ложится отдохнуть. Всё, что происходит с Ковриным в последние часы его жизни, проходит без её присутствия и участия. Представленная вторично, Варвара Николаевна выходит из-за ширмы, где она спала и застаёт Коврина ушедшим из жизни. Место, куда Варвара Николаевна предложила ехать, чтобы улучшить состояние здоровья Коврина, стало местом, где кончилась его жизнь.

В рассказе «Бабье царство»[ПССП 1986, 8: 252-289] персонаж по имени Варварушка дан в бессловесном представлении. Некоторые внутритекстовые положения и морфологическая составляющая этого имени делают эту фигуру значительной для анализа тех компонентов значения, которые может придать персонажу коннотативный ореол имени Варвара. Форму имени Варварушка можно считать маргинальной для антропонима Варвара. Одним из значений

суффиксов -ушк-, -юшк- словарь называет формообразовательную единицу, «которая образует имена существительные женского рода...с уменьшительно-ласкательным значением». [URL: http://www.rulib.info/word/-ushk-_a.html.] В «Антропонимы в вокативном употреблении» В.И. Супринаутверждается: «Употребление краткого или ласкательного имени по отношению к старшему или малознакомому человеку чаще всего придаёт вокативу отрицательную коннотацию» [Суприн, 2001; 4]. Содержание рассказа говорит, что отнесение уменьшительно-уничижительного значения к этому персонажу справедливо.

Первый раз это имя появляется в размышлениях главного персонажа рассказа – Анны Акимовны. Рядом с ней, в её большом доме живут «лакей Мишенька, во фраке и с бархатными усиками, благолепная Варварушка и льстивая Агафьюшка...»[ПССП 1986, 8: 252-289]. Слово благолепный словари толкуют однозначно одинаково: «устар. Величественно, торжественно красивый, великолепный». Варварушку окружают Татьяна Ивановна, тётушка Анны Акимовны; Агафьюшка – кухарка; родня кухарки; богаделенский батюшка, дьякон и дьячок; директор и служащие завода, и многие другие проходные персонажи, которые приходят поздравлять с Рождеством. В прямой речи Варварушка представлена один раз, когда она назвала хозяйку дома и завода Анну Акимовну очень редкой, персонально выбранной, «авторской» формой имени – Анютинька. Словари указывают, что суффикс -инк- имеет значение единичности. [URL: <http://stcreserv.narod.ru>]

Варварушка добавляет к этому суффиксу мягкий знак, что придаёт уменьшительному варианту имени Анна – Анюта – признак чрезмерной просительности и собственной приниженности того, кто обращается.

В перечислении тех, кто окружает Анну Акимовну рядом стоят *благолепная Варварушка* и *льстивая Агафьюшка*. Оба имени определяются суффиксом уничижительного оттенка. В словаре синонимов определение льстивая раскрывается как: «вкрадчивый, гладкий, елейный, искательный,

заискивающий, угодливый, умильный» [URL: <http://enc-dic.com/word/l/Lstiv-6350.html>]. Именно эти значения «елейный, угодливый, умильный» читаются в этой форме имён: Варварушка, Агафьюшка, Анютинька. Имена даны в последовательно, в порядке следования. Внутренняя составляющая этих имён, которая отражена в их морфологической компоненте и в оценочной лексике прилагательных, указывает на осознанный выбор именно таких языковых форм, чтобы подчеркнуть излишнюю умильность отношения к персонажам, которые представлены такими формами имён. Это замечание в определённой степени подтверждается описанием собранного Варварушкой себе на кончину.

Одно из представлений Варварушки дано с точки зрения Анны Акимовны, когда хозяйка со всем своим штатом ходила по комнатам: *«Варварушка..., пахнувшая кипарисом и кофеом, в каждой комнате крестилась на образа и кланялась в пояс»*[ПССП 1986, 8: 252-289]. И за этим благообразным портретом следует: *«при взгляде на неё почему-то всякий раз приходило на память, что она уже приготовила себе к смертному часу саван и что в том же сундуке, где лежит этот саван, спрятаны также её выигрышные билеты»*[ПССП 1986, 8: 252-289]. Содержимое этого сундука более чем контрастное: собранный на кончину саван и рядом - выигрышные билеты – во многом снижает старательно создаваемый самой Варварушкой и её окружением облик: Варварушка приготовилась к уходу в иной мир. А в этом мире, хотя она и клала поклоны, и крестилась на каждую икону, она не забывала о выигрыше, не только духовном, но и материальном.

Два объекта – содержимое сундучка: *саван к смертному часу* и *выигрышные билеты* упоминаются рядом, в одном предложении. По своему синтаксическому положению эти два объекта можно считать синтаксически однородными. Содержательно эти объекты не соответствуют друг другу. Происходит нарушение иерархии элементов, стоящих рядом, и снижение облика субъекта, который хранит рядом эти предметы. В связи с этим снижается ценностная значимость того, что субъект хранит тайно от других и

открыто создаваемого облика субъекта хранения. «Нисхождение идеала, преломление его в реальности, взаимосвязь и взаимозависимость этих двух противоборствующих начал» считают одним из признаков иронии.

В одном многолюдном разговоре за столом в нижней части дома произошло не только снижение, но и разрушение благолепного облика Варварушки. Вторично в рассказе применительно к одному и тому же персонажу было указано на две позиции, которые находятся в существенном противоречии одна с другой. В давние времена хозяином в доме был Иван Иванович, брат Татьяны Ивановны. Иван Иванович и Татьяна Ивановна – персонажи из ближайшего окружения Варварушки. В те времена Варварушка *«имела большую власть»*[ПССП 1986, 8: 252-289] – следила за нравственностью служащих. А в тот Рождественский вечер, когда в нижней части дома новой хозяйки говорили *«о том, как теперь трудно стало выходить замуж»*[ПССП 1986, 8: 252-289], и Татьяна Ивановна стала объяснять это безнравственностью, то она вдруг остановилась. Ей вдруг пришло на память: *«её брат Иван Иванович и Варварушка – оба святой жизни – и Бога боялись, а всё же потихоньку детей рожали и отправляли в воспитательный дом»*[ПССП 1986, 8: 252-289]. Это не просто факт фарисейства и ханжества: за нравственностью служащих следит та, кто тайно рождает детей и отдаёт их в воспитательный дом. Это факт нарушения законов православия: рожать детей вне брака и отдавать их в воспитательные дома.

«Пришла ночевать Жужелица»[ПССП 1986, 8: 252-289] – так появляется тот персонаж, который наиболее полно раскроет истинное лицо Варварушки. Но факт этого открытия произойдёт не в прямой речи с прямым указанием на определённое лицо. Факт этого разрушения прочитается из языка, из того прозвища, которое получила *«богомолка Паша, или Спиридоновна..., остроглазая остроноса с острым подбородком; глаза у неё были хитрые, ехидные, и глядела она с таким выражением, как будто всех насквозь видела»*[ПССП 1986, 8: 252-289] – прозвище Жужелица. Эта Жужелица всех за столом знала и сразу вступила в разговор. Именно она и

раскрыла то, что скрывала в себе Варварушка. Говорили о том, как должна вести себя девушка, которая хочет выйти замуж. И Жужелица сказала, что одни *«действительно блюдут себя... А вот другие девушки и в чёрных платьях ходят, и саваны себе шьют, а сами-то втихомолку старичков богатеньких любят...»* [ПССП 1986, 8: 252-289]. Варварушка всё поняла, на образа взглянула, что дало повод Жужелице продолжить намёки: *«Есть у меня одна знакомая девушка такая, врагиня моя лютая...Тоже всё вздыхает да всё на образа смотрит, дьяволица...в праздник даёт кусок, а в будни попрекает. Ну, а теперь уж я натешусь над ней! Натешусь вволю, алмазные»* [ПССП 1986, 8: 252-289] – и Варварушка опять смотрит на образ и крестится.

В этих намёках Жужелица представлена той, кто хочет раскрыть правду о некоторых людях. Жужелица в природе – это хищное насекомое. Когда Жужелица защищается, она выпускает едкую, неприятно пахнущую жидкость. Но её прямая функция в природе – уничтожать других насекомых. Она уничтожает огромное количество таких насекомых, которые очень вредны для овощей, фруктов и других растений. Так что, одна неприятная характеристика полностью окупается той пользой, которую приносит это насекомое. [URL: <http://www.gazetasadovod.ru/hels/3931-zhuzhelica-o-polze-zhuzhelic-dlya-sada-i-ogoroda.html>.]

Спиридоновна-Жужелица не очень симпатична. То неприятное, что она говорит – правда. О том, что хранится в сундучке Варварушки и какой она была в давние годы, говорится в косвенной речи повествователя. Не называя открыто имени своей *врагини*, Жужелица своими именами называет то, что указывает на ханжество и показное благочестие Варварушки.

В некоторых рассказах А.П.Чехова персонаж по имени Варвара только упоминается другими персонажами. Поступки, манеры этих персонажей указывают на то, какое содержание имени Варвара отражается в этом персонаже.

В рассказе «Учитель словесности» [ПССП 1986, 8: 304-326] имя Варя носит старшая из двух сестёр в семье Шелестовых.

В тексте повести Варя представлена с точки зрения главного персонажа Никитина, но в разных ракурсах его наблюдения. В начале повести это отстранённое повествование, которое окрашено оценками и знаниями персонажа. После женитьбы, в небольшом фрагменте текста повествователь отдал повествование своему персонажу. О том, что было с Варей в день замужестве её младшей сестры, в манере я-повествования говорит сам Никитин.

В первой части повести Варя, умная и образованная, красивее младшей сестры, представлена в кругу семьи и среди гостей – офицеров и врачей. В доме она ведёт себя как хозяйка; офицеров, которые в доме бывают часто, Варя называет по фамилиям, как будто старше их; с младшей сестрой ведёт себя как её воспитательница; когда разговаривает с другими, то она придирчива, насмешлива, ловит на слове, прерывает других резкими нравоучительными замечаниями. Словесный портрет Вари представлен в двух диалогах. В этих диалогах Варя категорична и насмешлива: *«какой же Пушкин психолог?»*, *«психологом называется тот, кто описывает изгибы человеческой души»*, *«Плоско! Однако вы всё-таки не доказали мне: почему же Пушкин психолог?»*[ПССП 1986, 8: 304-326] На шуточный ответ Варя часто не отвечает, а оценивает его в реплике: *«Это плоско»*[там же]. Такая манера разговаривать может указывать и на внутреннюю неуверенность, которую Варя хочет скрыть.

В день свадьбы сестры – Манюси и Никитина Варя дана с точки зрения Никитина и от лица Никитина: *«Варя...вбежала в кабинет с бокалом в руке и с каким-то странным, напряжённым выражением, точно у неё рот был полон воды; она, по-видимому, хотела бежать дальше, но вдруг захохотала и зарыдала, и бокал со звоном покатился по полу. Мы подхватили её под руки и увели»*[там же]. Оттого, как *«вдруг захохотала и зарыдала»* [там же] поздравляя новобрачных Варя, Никитин вдруг осознал что жизнь не всегда

совершенное *«полное, разнообразное счастье»*[там же], которое он *«казалось, брал руками»*[там же]. Этот новый облик Вари поразил Никитина настолько, что в дневнике на следующий день после свадьбы он писал: *«у меня в голове всё перепуталось...и мне припоминается резко только этот эпизод с Варей и хочется написать: бедная Варя! Вот так бы всё сидел и писал: бедная Варя!»*[там же]. Это неожиданно изменившееся, полное понимания восклицание поддержано следом идущей лексикой, лишённой значения счастья: *«зашумели деревья...каркают вороны, и у Мани...почему-то грустное лицо»* [там же].

Главный персонаж рассказа увидел другого человека, который вызывал в нём только раздражение и неловкость, в новом свете. Именно в этой части повествование переходит к этому персонажу. Это можно объяснить тем, что в этом фрагменте повести Никитин не только другого человека, сестру своей жены Варю, увидел в новом свете. Он сам показал себя на новом этапе своего внутреннего состояния и понимания окружающего. Никитин впервые осознал, *«что, кроме мягкого лампадного света»*[там же], тихого семейного мирка *«есть ещё другой мир...»*[там же]. Повествователь также увидел это новое в своём персонаже, взял повествование себе и отметил это: *«И ему страшно, до тоски вдруг захотелось в этот другой мир...»*[там же]. Это новое – понимание страдания другого человека – изменяет всё последующее существование учителя Никитина. Таким образом, решающее для развития характера главного персонажа рассказа воздействие оказал персонаж по имени Варя. В первой части повести Варя была чужда главному персонажу. Но неожиданно он увидел Варю другими глазами, и этот новый взгляд на Варю изменяет самого наблюдателя.

В рассказе *«У знакомых»* [ПССП 1986, 10: 9-25] персонаж по имени Варвара на линии повествования называют Варя и уточняют – Варвара Павловна. В молодости Варя и её подруга Таня называли себя Ва и Та. Эти именованья говорят о дружеском отношении двух девушек. Трижды в повествовании имя Варя уточняется: *«...Подгорин...»*

преподавал ...математику и историю... и Варя, курсистка, ...брала у него уроки латинского языка»; «Варя...стала читать...Она читала великолепным грудным голосом.... Это была прежняя Варя, Варя-курсистка...»[ПССП 1986, 10: 9-25]; «Как эта Варя, уже седая..., не похожа на Варю-курсистку, рыжую, весёлую, шумную, смелую...»[ПССП 1986, 10: 9-25]. Пунктуационный способ уточнения указывает на уточнение статуса этого персонажа во времени: *Варя, курсистка, брала уроки* – о Варе в давнее время, когда была курсисткой, когда брала уроки. Тире в предложениях: «*прежняя Варя, Варя-курсистка...*»; «*Как эта Варя не похожа на Варю-курсистку*»[ПССП 1986, 10: 9-25] – приложение, указывающее на постоянную принадлежность к этой социальной группе; на то, что по своим взглядам и поступкам Варя не повзрослела, осталась курсисткой. В повествовании эта Варя – немолодая женщина, врач. Она трудно работает, однообразно живёт, у неё нет своей семьи. В жизни она милая славная женщина, она «*любила свадьбы, роды, крестины, длинные разговоры о детях, любила страшные романы с благоприятной развязкой*» [ПССП 1986, 10: 9-25]. Но этот её славный облик на линии повествования не проявляется. На линии повествования Варя будто одета в костюм много пожившей, опытной женщины, в которой открылось ещё и ясновидение. Советы, которые она даёт; настойчивые просьбы о помощи, которые она высказывает, чтобы помочь семье друзей, содержат клише, которые представляют Варю очень мудрой и опытной, знающей людей и понимающей ситуацию, дающей каждому характеристику, говорящей будто с высоты своего опыта и знаний: «*Вы отравляете себя, Сергей Сергеич. Вы нервный, впечатлительный человек и легко можете стать алкоголиком*»; «*Выручайте, Миша, выручайте...Вы всегда были умницей. Вы мало жили, ещё ничего не испытали в жизни, но у вас на плечах хорошая голова...*»; «*Вы должны выручить Сергея Сергеича...это наша нравственная обязанность. Он имеет свои слабости, он небережлив, не думает о чёрном дне, но это оттого, что он очень добр и щедр...*» [ПССП 1986, 10: 9-25]. Однако по линии развития

сюжета Сергей Сергеевич обрисован вполне определённо и совсем не так, каким он представляется Варю. Понятно, что Подгорин, которого много лет знает Варя, не хочет жениться. И странно, что ни высшее образование, ни нелёгкая личная жизнь не дали Варю такого понимания людей, чтобы она могла разглядеть в одном человеке – сибарита и гуляку, в другом – смущающегося и часто не уверенного в себе человека. Теперь она хочет устроить личную жизнь одной сестры, другой сестре хочет помочь не потерять поместье. И просьбы о помощи, и старание женить Подгорина на Надежде – всё оканчивается ничем. Настойчивые советы и волнения не дают результатов, никому не помогают.

Рассказчик рассказа **«Человек в футляре»** [ПССП 1986, 10: 44-56], учитель гимназии Буров, называет сестру учителя истории и географии только так – Варенька. Главный персонаж рассказа, Беликов, в разговоре с рассказчиком называет её по имени-отчеству – Варвара Саввишна. Ближе остальных персонажей Варвара Саввишна к своему брату, Михаилу Саввичу. Со слов рассказчика известно, что жизнь рядом с братом не очень удачна, брат и сестра *«по целым дням спорили и ругались»*[ПССП 1986, 10: 44-56]. Всё о Вареньке показано глазами Бурова: Варенька *«разбитная, шумная, сияющая, счастливая, спорит громко, весёлая; на велосипеде – красная, заморенная, но весёлая и радостная»*[ПССП 1986, 10: 44-56] Варенька кричит: *«Уже ж такая хорошая погода, такая хорошая, что просто ужас!»* [ПССП 1986, 10: 44-56] Эта южная манера говорить представлена во всех небольших фрагментах текста с прямой речью Вареньки. Варенька ещё *«поёт малороссийские романсы, ходит подбоченься, поёт, пляшет...спела с чувством, стала рассказывать с чувством»*[ПССП 1986, 10: 44-56]. Её воздействие на окружающих передано одним глаголом: *«очаровала всех нас»*[там же]. Когда весь город объединился в стремлении непременно выдать Вареньку за Беликова, они стали видеться чаще: Беликов приходил и сидел молча, а Варенька пела украинские песни, которые очень нравились учителю греческого языка.

Единственный разговор Вареньки с Беликовым передан способом несобственно-авторского повествования, в котором максимально точно воспроизведена её манера говорить: «...в Гадячском уезде у неё есть хутор, а на хуторе живёт мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки!» [там же]. Конец этого разговора оформлен прямой речью, которая вкраплена в речь рассказчика: «борщ с красненькими и с синенькими такой вкусный, такой вкусный, что просто – ужас!» [там же]

Со слов рассказчика, Варенька много и часто хохотала. Хохотать – в натуре Вареньки. Кроме этой лексемы, дважды повторены синонимичные ей сочетания *залиться голосистым смехом*, *залиться* и звукоподражательным «ха-ха-ха» [там же]. И увидев, как Беликов падает с лестницы, и думая, что это произошло по его неловкости, Варенька «не удержалась и захохотала на весь дом» [там же]. Этот смех перечеркнул жизнь учителя греческого языка.

В повести «**В овраге**» [ПССП 1986, 10: 146-182] персонаж по имени Варвара в повести именуют Варвара Николаевна, Варварушка, Варвара. Изменения именования связаны с изменением отношения к этому персонажу со стороны новых родственников. По мере того как они лучше узнавали эту женщину, они изменяли к ней своё отношение и изменяли способ именования её. То, что отношение к этой женщине в семье не было постоянным, характеризует и Варвару, и членов семьи Цыбукина.

Когда в доме Цыбукина появилась *пожилая, но красивая* жена, она сразу повела себя как хозяйка: в доме посветлело, засветились лампадки, «в палисадниках показались цветы с красными глазками, за обедом...перед каждым ставилась тарелка» [ПССП 1986, 10: 146-182]. Когда она деньгами, хлебом, старой одеждой стала помогать нищим, странникам и богомолкам, её уважительно именовали Варвара Николаевна. Тогда она была не похожа на остальных членов семьи. Потом стало известно, что Варвара Николаевна «стала потаскивать и из лавки» [ПССП 1986, 10: 146-182]. Союз и неожиданно указывает, что по отношению к моменту повествования Варвара Николаевна *потаскивает* уже давно и дополняет указание на места кражи:

сейчас это произошло в лавке, но раньше, где-то в другом месте было то же самое. Узнав об этом от младшего сына, хозяин «*подумал, шевеля бровями*» [там же], назвал жену *Варварушка* и «*сказал ласково, — понадобится что в лавке, то ты бери, не сомневайся*» [там же]. Варвара Николаевна проявила себя понятным образом: один из членов семьи в дальнейшем повествовании будет осуждён за изготовление и употребление фальшивых денег – и стала в семье своей. С этого момента в тексте она именуется только Варвара. Случаев обращения к жене хозяина по имени больше в тексте также нет.

Оба сына Цыбукина называют Варвару Николаевну только *мамаша*: «*Вы, мамаша, ежели что нужно – берите*» [там же] – говорит младший сын. «*Благодарим вас за всё, мамаша... Нашему семейству от вас большая польза...*» [там же]. Словари указывают, что *мамаша* синонимично слову *мама* или употребляется по отношению к немолодой чужой женщине [URL: <https://how-to-all.com>]. По одному разу вторую жену Цыбукина, кроме него самого, называет *Варварушка* ещё один персонаж – плотник Елизаров, по прозвищу Костыль: «*Аксиньюшка матушка, Варварушка, будем жить все в мире и согласии...*» [там же].

Варвара продолжает действовать активно. Она активно вмешивается в жизнь членов семьи. Именно Варвара решила женить старшего сына Цыбукина: «*...парню двадцать восьмой годочек пошёл, а он всё холостой разгуливает...ты всё без пары, словно петух на базаре...*» [там же]. Именно Варвара узнала о Липе, съездила в село, где жила Липа с матерью, и свадьба состоялась. Именно Варвара угощала гостей на свадьбе и ходила «*утомлённая и растерянная...и была довольна, что так много кушаний, что так всё богато...*» [там же]. Когда муж Липы Анисим, старший сын Дюди, был отправлен в Сибирь, именно Варвара уговаривала мужа написать завещание в пользу внука, сына Анисима: «*Неровён час, что случится, человек ты не молодой. Помрёшь, и гляди, без тебя б внука не обидели. Ой, боюсь, обидят они Никифора, обидят!...Записал бы ты на него, на*

мальчишку-то, хоть землю, Бутёнкино-то это, Петрович. Право! Подумай! – *продолжала убеждать Варвара...*» [Там же]. Это обращение к мужу построено не по форме настоятельного требования, а с использованием сослагательного наклонения, форма которого смягчает неожиданность этой просьбы и указывает на действительное желание Варвары защитить ребёнка от возможных в будущем материальных трудностей. Завещание на мальчика было написано. Когда об этом узнала невестка, жена младшего сына, Аксинья, она «*собрала все ключи, какие у неё были, и швырнула их к ногам старика.*

– Не стану я больше работать на вас!... не желаю я больше служить!... Отдали каторжанке Бутёкино..., отдайте теперь всё... Все вы тут одна шайка!... Грабили и прохожих и проезжих, разбойники, грабили старого и малого!...

Липа глядела на неё, оторопев, и не понимая, но вдруг поняла, и вся помертвела...» [там же]. Ребёнок умер, потому что Аксинья плеснула на него ковш кипятка.

Цепочка действий Варвары: уговаривала Анисима жениться, отыскала для него невесту, хлопотала у свадебного стола, упрашивала отписать сыну Анисима земли – действий, которые были произведены с благой целью, привели к гибели того, кто в результате этих действий родился и кому Варвара хотела обеспечить будущее.

Следует сделать одно замечание: на ребёнка был выплеснут кипяток. Кипяток, или вар. [СРЯ Евгеньева, СРЯ Ожегов]: «ВАР, 1. Варёная смола...; 2. Просторечие. Крутой кипяток...». Имя той, кто устраивал жизнь так, чтобы появился на свет новый человек, оказалось однокоренным тому слову, которое обозначило средство, убившее этого человека.

В «**Вишнёвом саде**» [ПССП 1986, 13: 193-250] Варя выполняет роль экономки, но фактически она ведёт всё хозяйство имения, она управляет этим имением. В силу этого она контактирует со всеми персонажами пьесы. Свою приёмную мать она называет *мамочка* (11 раз). Один раз, когда Раневская

некстати шутит по поводу сватовства Лопехина, Варя называет Раневскую *мама*: «*Этим нельзя шутить, мама*» [ПССП 1986, 13: 193-250].

К дяде, брату приёмной матери, обращение у Вари просторечное – *дядечка*. Для сводной сестры, родной дочери Раневской – Ани, Варя находит ласковые слова: *душечка, красавица, родная*, которые повторяются неоднократно. Аня, Раневская, Гаев, Петя Трофимов называют Варю этой домашней формой имени. В разговоре с Лопехиным о судьбе имения Раневская дважды упоминает имя Вари в соединении с местоимениями *моя* и *наша*: «*Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом..*»; «*Жениться Вам нужно...на нашей бы Варе*» [ПССП 1986, 13: 193-250]. Сам Лопехин, в сцене неудавшегося разговора о женитьбе назвал её *Варвара Михайловна*. Все формы обращения указывают на то, что Варю серьёзно принимают в её функции реальной управительницы дома и близкого человека.

Положение Вари как хозяйки дома отражается в речи этого персонажа. Как хозяйка говорит она в начале пьесы с Раневской: «*Ваши комнаты, белая и фиолетовая, такими же и остались, мамочка*» [там же]. Она строга с засидевшимися гостями: «*Что ж, господа. Третий час, пора и честь знать*» [там же]; со слугами: «*Ступай отсюда, Дуняша*» [там же]; с работниками: «*Кто позволил ему на бильярде играть?!*» [там же] – возмущённо говорит она о Епиходове: «*...ты всё ещё не ушёл, Семён?...То на бильярде играешь и кий сломал, то по гостинной расхаживаешь, как гость... Ты делом не занимаешься... Сию же минуту вон отсюда... Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели...Сию же минуту вон отсюда! Вон!*» [там же]. Её лексика по отношению к этим людям – лексика строгого и старающегося быть рачительным смотрителя за домом: «*Поглядеть, все ли вещи привезли...*», «*Вот наняли музыкантов, а чем платить?*», «*Канторщика держим, а неизвестно – для чего*», «*Фирса отвезли в больницу?... Отчего же письмо не взяли к доктору?*» [там же]

Варя – приёмная дочь Раневской. Но в имени Раневской Варя не чувствует себя на вторых ролях. Она не только рачительная хозяйка. Она открыто говорит не только с теми, кто у неё в подчинении. Когда Раневская даёт незнакомцу золотой, Варя, которая знает, как трудно живёт дом, упрекает Раневскую: *«Ах мамочка, дома людям есть нечего...» [там же]*.

Так же, как и родная племянница Аня, в репликах к Гаеву Варя просит его помолчать: *«Не говорите, дядечка, лишнего», «Правда, дядечка, вам надо бы молчать. Молчите себе, и всё», «Дядечка, не нужно!» [там же]*.

Петя раздражён тем, что Варя в одной из сцен постоянно зовёт Аню и мешает молодым людям поговорить. В ответ Варя сердится на Петю, говорит с ним грубо: *«Вечный студент! Уже два раза выгоняли из университета!» [там же]*, кричит ему: *«Возьмите вашу гадость!» [там же]* и выбрасывает его калоши.

По степени родства Варя – чужая в этом доме. По степени участия в сохранении этого дома в семье принявших её людей Варя – хозяйка. Варе даны ключи от всего хозяйства. Ключи как символ охранения дома, как символ союза мужчины и женщины, как символ охранения от болезней и бед – известное во многих религиях положение. Варя выгоняет из дома Епиходова, праздно шатающегося по дому, и по ошибке чуть не ударяет Лопахина – нового хозяина имения. Реакция Вари на это известие дана в ремарке автора: услышав, что сад купил Лопахин, *«Варя снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит» [там же]*. Внешняя реакция Лопахина на этот бросок, очень неожиданная для этого персонажа, также дана в ремарке автора: *«Лопахин: (поднимает ключи, ласково улыбаясь): Бросила ключи, хочет показать, что она уже не хозяйка здесь...» [там же]*. Трудно представить, что ласковая улыбка Лопахина относилась к тому, что он получил ключи от имения. Этот факт – получение управления имением – могла сопровождать торжествующая улыбка. Ласковая улыбка относилась не к тому, что имение куплено. Это улыбка понимания той, кто вынужден был расставаться с прежней жизнью в этом доме. Чужая в

этой семье, Варя делала всё, чтобы сохранить имение для Раневской. Но судьба лишает Варю дома, отбирает у неё ключи от него, не даёт ей замужества.

Первая реплика Вари в пьесе: *«Как холодно, у меня руки заоченели...» [там же]*. Последняя реплика – о калошах – обращена к Пете: *«Петя, вот они, ваши калоши, возле чемодана» [там же]*. И со слезами добавляет что-то ненужное: *«И какие они у вас грязные, старые...» [там же]*. С домом Варя прощается достойно: *«Варя окидывает взглядом комнату и не спеша уходит...» [там же]*. В девяти эпизодах пьесы Варя плачет.

Выводы

Проведённый анализ произведений А.П.Чехова выявил следующие группы персонажей по имени Варвара. Варвара:

–только упоминается в тексте как родственник одного из действующих персонажей («Розовый чулок», «Страдальцы») или как часто посещаемая мужчинами личность («Рассказ неизвестного человека»), без описания внешности, без указания на возраст и на сферу деятельности. В этом случае представление о персонаже по имени Варвара складывается из облика тех действующих персонажей, которые на уровне повествования контактируют с Варварой отдалённо. К этому типу персонажей можно отнести Варвару Николаевну из повести «Чёрный монах», которая дана на линии

повествования в очень кратком представлении, также без описания внешности, без указания на возраст и на сферу деятельности;

–это ребёнок, старше или младше («Тяжёлые люди», «Несчастье», «Спать хочется»), который не наделён автором собственной речью и является лицом, на которого направлены действия взрослых: отца, матери, хозяев. Ответная реакция этих персонажей не находит выражения в речи. В рассказе «Тяжёлые люди» у Варвары – истерика и плач; в рассказе «Несчастье» дочка Софьи Петровны показана только как объект прикосновений матери, без единственной характерной черты, субъективных характеристик этот персонаж не имеет; в ответ на удары – приказы хозяев тринадцатилетняя Варька только несётся выполнить очередной приказ; тринадцатилетний ребёнок занят так, как может быть занят взрослый;

–взрослая женщина, которая имеет собственное мнение по разным вопросам и с благими намерениями, как руководство к действию предлагает другим персонажам как единственно правильное собственное представление о жизни. Делает это из лучших побуждений («Скучная история», «Учитель словесности», «У знакомых», «В овраге»). Эти предложения и просьбы идут вразлад с позицией другого или заканчиваются абсолютной трагедией («В овраге»).

Определённой «подсказкой» для обнаружения возможной связи между именем Варвара и тем, что привело к трагическому финалу, стало скрытое в одной из лексем однокоренное этому имени слово «вар». Эта возможная референция представляется ещё более оправданной, если принять во внимание, что в одном из электронных носителей как на одно из основных и уходящих далеко в историю языка значение корня вар- (с чередованиями) – «упреждать, предварять, предостерегать, оберегать, защищать» [URL: <http://names.neolove.ru/female/2/354.html>].

Представленные личностные группы персонажей по имени Варвара актуализируют идею чуждости миру, в котором они живут – один из компонентов значения лексемы **варвар**. Таким образом собственное имя в

тексте художественного произведения проявляет связь с именем нарицательным в системе социальной.

Предположение о двойственном, ханжеском облике персонажа, который именуется Варварушка, можно считать актуальным, так как проявляется у двух персонажей и именно этим именем именуется в рассказах «Бабье царство» и «В овраге».

Важность *ключей* как символа рачительности о хозяйстве подтверждается единством лексического описания отказа от этого символа хозяина дома в рассказе «В овраге» и в пьесе «Вишнёвый сад».

Спокойствием, знанием дела, рачительностью и серьёзностью наделены персонажи по имени Варвара, которые можно отнести к низшему – Варвара, жена садовника («Именины») и среднему социальному слою – управляющая имением Варя («Вишнёвый сад»). Только эти двое персонажей представлены в том деле, которое они умеют делать и которое каждая из них выполняет максимально хорошо. Обоим этим персонажам противопоставлены их хозяева, представители более высокой социальной группы. Основной характеризующей этого слоя оказалась всепроникающая ложь («Именины») и безоглядное нежелание увидеть себя и свою жизнь в истинном свете, несоответствие возвышенной отдалённости себя от реальности желанию сохранить так любимое на словах и отсутствие реальных для этого сохранения действий («Вишнёвый сад»). Помощь и реальное делание жены садовника и приёмной дочери оказались не в силах защитить то, о чём они заботились, что предлагали и что делали со знанием дела. Помощь и реальное делание оказались слабее лжи и пустого возвышенного говорения. Помощь и реальное делание не смогли сохранить новую рождающуюся жизнь и привычный уклад жизни.

В указанных произведениях нет произведения, где проецировалось бы то значение важности для православного сознания имени Варвара, о котором говорилось в повести «Степь». Отражения православной традиции,

связанного с именем Варвара, не содержит ни одно произведение, в котором действует персонаж, носящий это имя.

Заключение

Цель данной работы заключалась в том, чтобы выявить культурологический и социальный аспекты, проявляющихся в произведениях А.П.Чехова в антропониме “Варвара”. В первой главе были рассмотрены этапы изучения имени собственного в работах зарубежных и отечественных исследователей. Особенный акцент был сделан на функционировании имени собственного в тексте художественного произведения. В первой части второй главы были рассмотрены параметры социального и семейного положения персонажей по имени Варвара. Известно, что каждый автор подбирает имена персонажам, с целью реализации ряда функций в художественном тексте. Понимание категории «функция имени собственного» связана с ролью и значением имени собственного в художественном тексте.

Во второй части для выявления тех значений, которые содержатся в антропониме Варвара, для получения максимальной информации,

содержащейся в нём, было проанализировано ближайшее окружение этого персонажа в тексте. В работе были рассмотрены дополнительные коннотации, которые вносит в текст произведения имя персонажа “Варвара”.

Проведённый в данной работе анализ функционирования собственного имени Варвара выявил определённые группы смысловой наполненности.

Персонажи по имени Варвара в произведениях А.П.Чехова представляют разные социальные группы. Они занимают разное семейное положение. Среди них есть наблюдающая за нравственностью рабочих большого завода, врач, управительница в имении, тринадцатилетняя нянька, мать четверых детей, молодая жена, не очень молодая мачеха. Основные компоненты значений, связанные с персонажем, носящим имя Варвара: чуждость окружающей жизни, непонимание её истинного содержания, неумение направить свою жизнь и жизнь окружающих по желаемому пути, даже при большом желании сделать это. В некоторых произведениях рассматриваемой группы («В овраге», «Спать хочется», «Темнота») персонажи по имени Варвара связаны со значением жестокости и невежества. В проанализированных произведениях не обнаружено указания на то значение, которое для православия имеет имя “Варвары-великомученицы” – на значимость для православного этой святой как защитнице от внезапной и насильственной кончины без покаяния.

Анализ произведений показал, что большая часть из них указывает на потерю, беду. Именно этот аспект можно считать общим для произведения, где есть персонаж по имени Варвара. Даже в случае, когда персонаж по имени Варвара стремится к тому, чтобы всё было хорошо, происходит потеря, драматическая в большей или меньшей степени. Это или чуждость среди самых родных и близких, или собственное непонимание. Вот общая картина тех значений, которые обнаружены в указанных произведениях А.П. Чехова.

Таблица 1:

«Опекун»	Растрата оставленных на воспитание сироты-племянницы денег.
----------	---

«Дачники»	Мгновенное превращение душевного спокойствия и гармонии жизни в ненависть.
«Несчастье»	Восприятие матерью дочери чужой и тяжёлой.
«Розовый чулок»	Пустота и неграмотность дочерей генерала.
«Страдальцы»	Хитрость, мелочность, эгоистичность молодой женщины.
«Тяжёлые люди»	Деспотизм и агрессивная нетерпимость мужа и отца по отношению к членам семьи.
«Темнота»	Темнота и невежество как причина несчастной, голодной и варварской жизни большой семьи.
«Спать хочется»	Эксплуататорская жестокость по отношению к ребёнку как причина доведения его психики до предельного состояния.
«Именины»	Ложь, стремление казаться, а не быть, как основа драмы потери ребёнка.
«Скучная история»	Ложно понимаемая важность и первостепенность того, что делается, как причина потери естественности жизни.
«Бабы»	Нескрываемое неприятие законов и правил жизни, установленных в стоящем у стен церкви доме.
«Рассказ неизвестного человека»	У Варвары Осиповны часто принимали людей, которых нельзя назвать приятными.
«Чёрный монах»	Искреннее желание поправить здоровье живущего рядом человека кончается его уходом из жизни.

«Бабье царство»	Ханжество и показное благочестие как основные черты той, кто поставлен следить за нравственностью рабочих.
«Учитель словесности»	Невозможность продолжать быть счастливым, когда рядом - несчастье и одиночество другого человека.
«У знакомых»	Искренность и чистота желания помочь не реализуются, когда в их основе нравоучительность и непонимание истинного положения дел.
«Человек в футляре»	Непонимание истинного характера человека, отсутствие настоящего чувства к нему, привычка автоматически реагировать на всё необычное, нечувствительность, неспособность к сопереживанию уничтожают жизнь.
«В овраге»	Постоянное деятельное желание помочь и защитить приводит к гибели.
«Вишнёвый сад»	Утрата дома, родных, несостоявшаяся личная жизнь.

Проведённая работа показала важность в выявлении значений и смыслов произведения не только семантики лексики, но также семантики структурных компонентов лексики. Такой структурный подход особенно важен при работе над текстом художественного произведения в аудитории иностранных учащихся. В работе было уделено место рассмотрению необходимой культурологической информации. Были раскрыты компоненты значения имени Варвара, связанные с православной традицией. Была предъявлена информация, связанная с уточнением тех или иных социальных и культурных реалий русской жизни девятнадцатого века, без знания и понимания которой содержание произведений было бы раскрыто неполно. Как показывает практика преподавания русского языка как иностранного, такой подход к работе с текстом служит более компетентному и глубокому овладению языком и приобретению внеязыковой компетенции, что имеет большое для серьёзного изучения иноязычной культуры.

Список литературы:

1. Агеева Р.А., Бахнян К.В. Социолингвистический аспект имени собственного. Науч. – аналит. обзор. – М.: ИНИОН, 1984. – 60 с.
2. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. Составление, подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. Статья и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. –СПб.: , –1995, 384 с.
3. Античные теории языка и стиля. Под ред. О. М. Фрейденберг. Л., –1936.
4. Ахманов А.С. Логические формы и их выражение в языке. «Мышление и язык». –М., 1957.
5. Бойко Л.Б. О структуре антропонима и его функционировании в русском и английском языках//Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 2. С. 14—22.
6. Бондалетов В. Д. Актуальные проблемы изучения ономастической лексики // Семантический и функциональный аспекты изучения лексики русского языка. – Саранск, 1983. – С. 20-23.
7. Бондалетов В. Д. Методы ономастических исследований // Русская ономастика. – М., 1983. – С. 36-72.
8. Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения (мужские и женские имена) // Ономастика и норма. – М.: Наука, 1976. – С. 12-46.
9. Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1999. 447 с.
10. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. –224с.

11. Виноградова Н.В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология. Дисс...канд.филол.наук. Тверь 2001. 214 с.
12. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды МИФЛИ», – 1939, т.5.
13. Гоббс Т. Учение о теле. – Избр. соч., ч.1 Л., –1926.
14. Гумбольдт В.Ф. Избранные труды по языкознанию — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. - 400 с.
15. Двинятин. Ф.Н. Три этюда по поэтике имени //Семантика имени [Имя-2]. М, 2010. Стр. 91-126.
16. Денисова Н. В. К вопросу о значении имени собственного в современной лингвистике // Молодой учёный. – 2015. – №8. – С. 1116-1118.
17. Джандар Б.М., Лоова А.Д. К проблеме функционирования личных имен в художественном тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 3 (105). С. 105–111
18. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. –М., «Р.Валент». 2001. –133с.
19. Есперсен О. Философия грамматики. перевод с англ. –М. 1958. – 400с.
20. Исаева Е. Ф. Функции антропонимов в художественном тексте. [Электронный ресурс]//–М. 2012.
URL: <http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5623.pdf>.
21. Имя. Семантическая аура. –М.: Языки славянских культур, –2007, 360 с.
22. Канон Великомученице Варваре, избавительнице от внезапной смерти. Подворье Троице-Сергиевой Лавры. –М, 1999.
23. Караулов Ю. Н. Энциклопедия "Русский язык". – М, 1998. 721 с.
24. Косиченко Е.Ф. Имя нарицательное и имя символ в свете теории прецедентности //Журнал «Вестник Московского Государственного Лингвистического Университета» –№ 601, 2010. –С.55-63.

25. Кудрявцева А.А. Имя литературного героя как апеллятивизированный прецедентный оним//Журнал «Вестник Волгоградского Государственного Университета». Серия 2: Языкознание. –№ 2 , 2011. –С.61-66.
26. Лахно А.В. Дихотомия смысла и значения имени собственного в теософии. –М., 2004.
27. Лахно А.В. Имя собственное как объект сопоставительного исследования. Системообразующие свойства имени литературного персонажа в художественном тексте и его переводе: Диссертация ... кандидата филологических наук. – Москва, 2006. – 219 с.
28. Локк Дж. «Опыт о человеческом разумении»// Сочинения в 3т. Т.1, М, «Мысль», –1985.
29. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Изд. «Мысль». РГГУ, 1993. – С. 815-817.
30. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960.
31. Матвеев А.К. Апология имени. Изв.Уральского государственного университета. Екатеринбург. 2001, № 21, стр.86-92
32. Милль Дж.С. Система логики, силлогической и индуктивной. – М.: Изд-е магазина «Книжное дело», 1899.
32. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. -М: Наука, 2012.
33. Супрун В.И. Антропонимы в вокативном употреблении//Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20. С.4 .
URL: http://philology.ru/linguistics2/suprun_v-01.html.
34. Тынянов Ю.Н. Литературный факт // Литературная эволюция. Избранные труды / Составление, вступительная статья, комментарий Вл. Новикова. –М.: Аграф, 2002. С. 167 – 188.
35. Топоров В.Н. Из области теоретической топономастики //ВЯ, АН СССР. М. 1962, №6, 3-12.
36. Топоров В.Н. О мифологическом образе Семёна и Семёновы в русской традиции // Семантика имени (Имя-2). Избранные труды; Отв. Ред. Т.М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2010. С. 44-69.

37. Флоренский П. А. Малое собрание сочинений. Вып. I: Имена. – Кострома, –1993.
38. Хазагеров Т. Г. Стилистические функции антономасии и трудности ее выявления в рассказах А. П. Чехова // Языковое мастерство А. П. Чехова. – Ростов-на-Дону, 1988.
39. Хриненко Ю.Н. К вопросу о значении имени собственного: (На материале англ. личных имен) // Семантические аспекты языка. – Л., 1981.
- Щаренская Н.М. Концепт «футляр» // Концептосфера А.П.Чехова. Сборник статей. Изд. Южного Федерального университета. Ростов-на-Дону, 2009. Стр. 145-172.
40. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики: дис. ... дра филол. наук: 10.02.19 / Щербак Антонина Семеновна. – Тамбов, 2008. – 452 с.
41. 李姝. Мои взгляды на значениях имён собственных в рассказах А.П.Чехова. 契诃夫短篇小说中人物姓名之我见. –沈阳大学学报. –2012. – №5. –P118–121.
42. 李梓. “ Обама ” или “ Оубама ”? - рассуждение о нормах перевода иностранных имён собственных. “奥巴马”还是“欧巴马”? –再谈外国人名的翻译规范. –宿州教育学院学报. –2010. –№4. –P41–43.
43. 彭俞霞. Перевод имён собственных в художественных произведениях на примере романа Г.Флобера «Мадам Бовари». 小说人名的翻译 – 以《包法利夫人》为例. –复旦外国语文学论丛. –2009. №1. URL:<http://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?QueryID=0&CurRec=1&recid=&filename=PFDW200901015&dbname=CJFD2009&dbcode=CJFQ&pr=&urlid=&yx=&v=MDk3NDFYMUx1eFITN0RoMVQzcVRyV00xRnJDVVJMeWZaZWRwRml6bVZMdlBOU3ZQZWJHNEh0ak1ybzlFWVISOGU=>.

44. 陈奔. Рассмотрение изменения способов перевода иностранных имён собственных с точки зрения культурной коммуникации. 从文化交流角度看外国人名翻译方法的变化. –湖北成人教育学院学报. –2007. –№2.–P.58–60.

Словари

45. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. –М.: Русские словари, 2006. – 667с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. –М., 1966.
46. Евгеньева А. П. Словарь русского языка (СРЯ) в 4-х томах. – М.: Русский язык, 1984. – 792 с.
47. Ильичёв Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалёв С. М., Панов В. Г. Философский энциклопедический словарь. –М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
48. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка.–СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432с.
49. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова.–М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
50. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. «Русский язык», 796 . стр. Стр. 60.
51. Христианство. Энциклопедический словарь в трёх томах. Научное издательство «большая Российская энциклопедия». М., 1995. Т.2, 669 стр. 112 С..

Источники

52. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 2. Далее: [ПССП 1986, 2: 260-262].

53. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 4. Далее: [ПССП 1986, 4: 16-17].
54. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 5. Далее: [ПССП 1986, 5: 16-17].
55. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 5. Далее: [ПССП 1986, 5: 240-252].
56. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 5. Далее: [ПССП 1986, 5: 253-256].
57. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 5. Далее: [ПССП 1986, 5: 257-262].
58. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 5. Далее: [ПССП 1986, 5: 315-323].
59. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 6. Далее: [ПССП 1986, 6:48-51].
60. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 7. Далее: [ПССП 1986, 7: 7-12].
61. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 7. Далее: [ПССП 1986, 7:165-195].
62. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 7. Далее: [ПССП 1986, 7:248-305].

63. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 7. Далее: [ПССП 1986, 7:334-346].
64. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 8. Далее: [ПССП 1986, 8:136-208].
65. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 8. Далее: [ПССП 1986, 8:221-251].
66. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 8. Далее: [ПССП 1986, 8:252-289].
67. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 8. Далее: [ПССП 1986, 8:304-326].
68. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 10. Далее: [ПССП 1986, 10:9-25].
69. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 10. Далее: [ПССП 1986, 10:44-56].
70. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 10. Далее: [ПССП 1986, 10:146-182].
71. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. – М.: Наука, – 1986. Т. 13. Далее: [ПССП 1986, 8:193-250].
72. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/421814>.
73. URL: <https://azbyka.ru/protoierej>.
74. URL: http://efremova.info/word/vot_esche.html

75. URL: <http://enc-dic.com/word/s/Statski-sovetnik-43706.html>.
76. URL: <http://www.gazetasadovod.ru/hels/3931-zhuzhelica-o-polze-zhuzhelic-dlya-sada-i-ogoroda.html>.
77. URL: <https://how-to-all.com>.
78. URL: <http://names.neolove.ru/female/2/354.html>.
79. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/geo/v/gadjach.html>.
80. URL: http://www.rulib.info/word/-ushk-_a.html.
81. URL: <https://ru.wiktionary.org>.
82. URL: <http://stcreserv.narod.ru/Tutorial/sush-suff.html>.
83. URL: http://studopedia.ru/10_211844_slova-znachenie-signifikat-denotat.html.
84. URL: <http://tao44.narod.ru/rationalism.html>.